

Павел Иванович Мельников-Печерский

Тайные секты

I

Кроме раскольников-старообрядцев, отделившихся от господствующей церкви из-за буквы и обряда, есть немало русских людей, уклоняющихся от православия несравненно далее, чем разнообразные толки старообрядства. Разумею здесь принадлежащих к так называемым *тайным сектам* .

«Тайными» зовутся они потому, что как учение их, так и внутреннее устройство общины по возможности сохраняются сектаторами в строгой тайне. При вступлении в некоторые из тайных сект принимаемый, приводя самого бога во свидетели, с известными обрядами, клянется строго и нерушимо хранить все тайны, которые ему будут открыты. Торжественно перед всею общиной он обещается: «не сказать про тайну отцу, матери; не сказать про святое дело попу на духу, судье на суде; кнутом будут бить, огнем станут жечь: все претерпеть, тело отдать на раздробление, без рассуждения, только святого дела не выдавать». Нового члена не вдруг посвящают во все таинства, но постепенно, переводя его со степени на степень звания, как это делалось в масонских ложах и других религиозно-политических тайных обществах, состоявших из людей, получивших более или менее достаточное образование и принадлежавших к высшим слоям общественного строя.

Впрочем, и к «тайным сектам», о которых мы намерены говорить, принадлежали не одни простолюдины. Представляя их исторический очерк, странное учение и еще более странные обряды, мы встретимся не с одними крестьянами и солдатами, но и с лицами высшего православного духовенства, с генералами, с министрами, с членами государственного совета, с великосветскими дамами и девицами, с литераторами и журналистами. Мы увидим, что, как в старые годы, так и в позднейшее время, к «тайным сектам» принадлежали богатые помещики из знатных фамилий, к которым для совершения таинственных обрядов собирались их односектаторы, а в числе их и собственные крепостные их люди. Мы встретимся с поэтами, правда, незаметными в истории русской литературы, которые сочиняли для тайных сектаторских собраний песни. Чтоб ознакомиться с тайными обрядами этих сект, мы поведем читателя не в одни мужичьи избы да келейные ряды, что ставятся на задворниках больших селений, но и в дома значительных помещиков, в монастыри, даже в один из петербургских дворцов.

К «тайным сектам» относится так называемая *хлыстовщина* , со всеми ее видоизменениями и отраслями. Слово *хлыстовщина* есть искаженное *христовщина* — название, встречаемое в сочинениях первой четверти прошлого столетия у св. Дмитрия Ростовского и Феофилакта Лопатинского, архиепископа тверского.¹

Так названа эта секта потому, что в среде ее постоянно являлись люди, слывшие за одаренных высшими дарами благодати, которых они считали христами. В конце прошлого или в самом начале настоящего столетия эту секту, вместо христовщины, стали называть

¹ «Розыск» святого Дмитрия Ростовского. «Обличение неправды раскольнической», Феофилакта Лопатинского. Последнее сочинение написано в двадцатых годах прошлого столетия, когда автор был членом новоучрежденного тогда святейшего синода.

хлыстовщиной . Некоторые думают, что это наименование произошло от слова «хлыстать» и дано секте потому, что последователи ее, во время совершения своих религиозных обрядов, бичуются, «хлыщут» друг друга под слова песни, начинающейся словами:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищу, —

но это едва ли может считаться основательным. Бичеванье или хлыстанье — обряд нововводный и усвоен не всеми «кораблями» (общинами). В тех, например, кораблях, где участвовали люди образованные, кроме «корабля» князя Мещерского, существовавшего в конце царствования Петра I, кажется, никогда не было обычая хлыстать себя или других. Сколько нам известно, слова «хлыстовщина», «хлысты» изобретены уже в нынешнем столетии некоторыми духовными лицами, считавшими неприличным при названии секты употреблять священное имя Спасителя.

Святой Дмитрий упоминает еще о двух сектах, составляющих отрасли хлыстовщины: о *подрешетниках* , или *капитонах* , и о другой, которой не дает особого названия.²

Феофилакт Лопатинский, кроме хлыстовщины, упоминает о *богомиллах, меселианах и акулиновщине*: это та же хлыстовщина. Первые два названия даны секте духовенством, может быть, самим Феофилактом, по сходству их учений, впрочем, весьма мало ему известных, с учением ересей богомилов и меселиан, бывших в Византийской империи. Из хлыстовщины в прошлом столетии образовалась секта *скопцов* . Это те же самые хлысты, с их учением и обрядами, но ради умерщвления плоти ведущие у себя оскотление. Кроме того, к тайным сектам относятся *фарисеи, богомолы, ляды, купидоны* (искажение слова «капитоны», о которых упоминает Дмитрий Ростовский), *лазаревичина, монтане, милютинские* или *алатырские, адамиты, общество Татариновой, ползуны или холстовщина, шелапуты, духовные скопцы, наполеоновцы*,³ *сусленики, светосновцы, Дробышевская или Седовичева секта, маранские*,⁴ *скакуны, прыгуны, трясуны, божьи, духовники, духовные христиане* и пр.⁵

Все это одна и та же хлыстовщина, с некоторыми, часто самыми незначительными отличиями в обрядах. Только скопцы, совершающие над собой известные операции, да наполеоновцы (секта очень мало исследованная), признающие за пришедшего во второй раз сына божия императора французов Наполеона I, резко отличаются от прочих.

Независимо от хлыстовщины, хотя и в некотором соприкосновении с нею, существуют тайные секты «мистические», как, например, *сионская церковь, десные христиане, лабзинцы* и секты рационалистов или «молоканские», имеющие начало совсем не там, где

² «Розыск», часть III, глава 12.

³ Эти секты перечислены нами в «Письмах о расколе», изданных в 1862 году.

⁴ Это скопцы, сосланные в Закавказье и в 1825 году поселенные генералом Ермоловым в селении Марань, Кутаисской губернии, по берегу речки Цхенис-Цхали, впадающей тут в Рион. Ермолов образовал из скопцов 96-ю инвалидную роту, известную более под именем Мараньской или скопческой роты.

⁵ Из архивных дел видно, что хлыстовщину сверх того называли несвойственными ей именами: субботников (в Жиздринском уезде, Калужской губернии, в Мценском, Кромском и Дмитровском, Орловской, в Белгородском, Фатежском и Щигровском уездах, Курской губернии), икоборцев (в Якутской области), молоканов (в Осинском уезде, Пермской губернии) и квакеров (в прошлом столетии при императрице Елизавете Петровне в Москве и в нынешнем столетии в Екатеринбургском уезде, Пермской губернии).

кроется источник сект хлыстовских, но нередко сливающиеся с ними. Так, во времена Петра I открытые около 1715 года секты иконоборцев (что ныне молокане) и Настасьи Зимихи находились в близких сношениях с хлыстовщиной, тогда уже значительно распространенною в Москве и других городах. Так в наше время, лет шесть-семь тому назад, в Таврической губернии и в других местах южной России произошло взаимное соглашение и отчасти даже слияние тайной секты хлыстовской с молоканством и духоборчеством.

В ряду уклонений от православия, свойственных русскому народу, хлыстовские секты представляют вид совершенно особый, существенно отличающийся от прочих не только по своему содержанию, но еще более по отношению к церкви. Всякий раскол, всякая ересь потому собственно и называются расколом или ересью, что они *отрывают* себя не только от внутреннего единомыслия, но и от внешнего общения с церковью. Считая только себя единственно и исключительно правыми по вере, раскольники и еретики поставляют долгом совести выказывать это расторгением всех связей с пребывающими верными церкви: не покорствуют и не воздают чести установленным духовным властям, не ходят на общественное богослужение, не сообщаются с верными в церковных таинствах и других религиозных обрядах, не сообщаются даже в частной, домашней молитве. В самых житейских сношениях они стараются держать себя как можно дальше от них; даже не пьют и не едят вместе с ними. Таковы более или менее последователи всех толков так называемого старообрядства. Совершенно иначе поступают принадлежащие к тайным сектам хлыстовщины. Хотя по внутренней сущности своего учения они и удаляются от церкви несравненно далее, чем какой бы то ни было толк раскольничий, хотя они отрывают себя не только от православия, но и вообще от христианской веры, отрицая или изменяя существеннейшие ее догматы, но в наружных действиях не показывают себя чуждающимися православия. Они строго исполняют все обряды и христианские обязанности церкви, даже строже, чем многие настоящие православные. И это делают не по принужденной стачке с своею совестью (как некоторые из старообрядцев, когда боятся ответственности и взыскания), но потому, что по самому их учению не только не воспрещается, но, напротив, предписывается всячески везде и всегда скрывать себя и для того с самою строгою точностью исполнять все внешние постановления и обычаи господствующей церкви. Оттого последователей тайных сект хлыстовщины узнать очень трудно; по наружности они совершенно православные, часто даже более благочестивые, более набожные, чем настоящие.

Судя по литературе прошлого и нынешнего столетий, как печатной, так и известной нам рукописной, духовные писатели весьма мало знали о тайных сектах и всегда говорили о них с крайнею неопределительностью. В недавнее лишь время в одном из духовных наших журналов стали появляться о них статьи⁶ или, лучше сказать, извлечения из отчетов о состоянии раскола, составленных лет пятнадцать тому назад статистическими экспедициями и отдельно производившими исследования о расколе чиновниками министерства внутренних дел.⁷

До сороковых годов не более знало о них и правительство. При отсутствии сведений о существе предмета в его общности оно смотрело на частные, по временам возникавшие дела о тайных сектах, как на странные случаи раскольничьего фанатизма, обсуживало и решало их исключительно с полицейской точки зрения, по мере обнаруженных уклонений от общественного порядка и благочиния, и затем, по заведенному порядку, сдавало дела в

⁶ «Православный Собеседник», 1858 г., № 7: «Общество людей Божьих, состав его и богослужebные собрания». Тот же журнал 1860 г., № 12: «Ученые секты людей Божьих о таинственной смерти и таинственном воскресении».

⁷ Об этих исследованиях см. нашу статью: «Счисление раскольников», в «Русском Вестнике», 1868 г. № 2.

архив. Утверждению такого взгляда на этот род дел, по словам покойного Надеждина,⁸ много способствовало и то, что в тридцатых, особенно же в сороковых годах хлыстовщина преимущественно стала подпадать вниманию правительства в связи с скопчеством, которое есть только ее выродок. Тут материальное преступление, оскотление, до того заслоняло внутреннее начало хлыстовщины, открываемое обыкновенно и у скопцов, что когда те же самые или близкие к ним черты встречались где-нибудь не сопровождаемые оскотлением, на них смотрели как на признаки заблуждения, жалкого, но безвинного и не заслуживающего внимания. Таким образом изучение настоящей хлыстовщины, которая есть корень и самого скопчества (как секты, а не как материального уродования тела), оставалось в небрежении. Нередко при официальном производстве дел хлыстовщину смешивали с тайными сектами другого порядка, например, с молоканами, с духоборцами и даже с жидовствующими.

Народ всегда знал и знает о тайных сектах. Не проникая их тайны, он всегда предполагает в них что-то недоброе. Как православные, так и старообрядцы дичатся этих сект, называют их «темными», питают к ним отвращение и какую-то суеверную боязнь. Об них ходят в народе страшные рассказы, с примесью чудесного, как о колдунах, оборотнях, ведьмах и тому подобных пугалах робкого воображения непросвещенных простолюдинов. Во многих местах последователей тайных сект зовут фармазонами,⁹ считая это название синонимом волшебника, отрекшегося от бога и от всего святого. Чудесные рассказы о них простонародья не могли не казаться нелепостью в глазах людей образованных, и это послужило поводом к тому, что всю народную молву о действиях и сокровенных обрядах тайных сектаторов без всякого разбора и разъяснения стали считать басней. Такое мнение не изменилось и тогда, как некоторые из людей просвещенных и высокопоставленных сами вступали в тайные секты и в своих собраниях соединялись с хлыстами-простолюдинами. Не хотели верить, чтобы собрания, бывшие, например, вскоре после 1812 года в Михайловском дворце,¹⁰ были точно такие же, как и сборища, открытые в то же время полицией в доме рядового Юхновской инвалидной команды и между крестьянами Малоархангельского уезда, Орловской губернии. А между тем и обряды, в которых участвовал тогдашний министр народного просвещения, директор его департамента и подобные лица, самые песни (конечно, не все), распеваемые ими во время собраний, оказались теми же самыми, какие употреблялись и в Юхнове и в Малоархангельском уезде. Известного рода религиозные увлечения присущи людям разных положений в обществе, разного уровня образования, разных даже стран и народностей. Положительно известно, что последователи «восторженных» сект, которых так много в Англии, а еще более в Америке, бывая в России, входили в непосредственные сношения с русскими простолюдинами, принадлежащими к тайным сектам, и участвовали в их собраниях. Некоторые даже предполагали, будто тайные секты занесены в Россию сектаторами Запада. Само правительство некогда разделяло эту мысль. Таким образом в царствование Елизаветы Петровны хлыстовщина была названа квакерскою ересью.

II

Мы начнем с исторического очерка существовавших у нас тайных сект из разряда хлыстовщины. Мы постараемся представить в некоторой связи их проявления, насколько это

⁸ Корректирующие листы трактата о хлыстах.

⁹ Испорченное слово франк-масон. Народ, всегда зоркий и чуткий, подметил таинственные сношения некоторых масонов с последователями тайных сект хлыстовщины и назвал их этим именем.

¹⁰ Нынешний Инженерный замок в Петербурге.

возможно при крайней неполноте и отрывочности сохранившихся о них сведений. Но прежде считаем нелишним указать на общие главные основания этих сект, оставляя подробности до описания учения и обрядов, которое последует вслед за историческим очерком.

Человек состоит из души и тела. Душа есть творение божье, но тело, по понятиям одних сектаторов, искажено при грехопадении первых людей, по понятиям других, создано дьяволом. Как чистый дух, заключенный в нечистую плоть, душа борется с нею чрез всю жизнь человека и, если будет побеждена, — по смерти поступает во власть духа злобы. Если же в этой борьбе душа восторжествует, то не только по смерти, но еще здесь, в земной жизни, она достигнет такого блаженного состояния, что придет в непосредственное соотношение с самим божеством. Для этого необходимы: строгий пост, воздержание от мяса, от вина и табаку, от наслаждений любви, от всяких увеселений, соблазнов, нужна самая строгая аскетическая жизнь, сопровождаемая так называемую «умною молитвою», самоуглублением, словом, жизнь вполне созерцательная. Но и этого еще недостаточно: нужно лишить себя воли, подчинив ее уже достигнутому духовного совершенства и вместившему в себя бога. Затем, при утомлении тела разными усиленными телодвижениями, «раденьем»,¹¹ как говорят они, то есть скачками, плясками, верченьем и круженьем с распростертыми руками, дрожаньем всем телом, спираньем в груди дыхания, аскет доводит себя до состояния исступления, он приходит в состояние галлюцинации, ему представляются видения, он не помнит самого себя и говорит бессвязные, бессмысленные слова, принимаемые другими за пророчество. Под словом «пророчество» сектаторы не понимают однако исключительно предсказаний будущего; все, что говорится в состоянии восторженного исступления, называется у них пророчеством. Достигшие такого состояния называются у них «пророками» и «пророчицами». Но это еще не высшая степень совершенства. Высшая степень для мужчин — степень Христа, для женщины — богородицы. Истинный Спаситель и истинная Дева Мария, по мнению тайных сектаторов, не суть единственны. Такой же высокой степени, какой достигли они, может достигнуть всякий человек. Такие люди есть, они постоянно пребывают среди последователей тайных сект. Это «христы изобретенные»,¹² как они выражаются. Сам бог, уничтожив в них душу человеческую и заменив ее собою, вселился в них, и они стали «живыми богами». Изобретенных Христов и богородиц в одно и то же время может быть несколько. Ближайшие к изобретенному Христу пророки, обыкновенно в числе двенадцати, называются апостолами.

Но побороть плоть не легко, особенно при сближении обоих полов во время радений, когда мужчины и женщины бывают в одних рубашках, а в иных кораблях и нагишом. Отсюда скопчество, встречающееся в созерцательных толках еще в Византии. Впрочем, ревностнейшие последователи хлыстовщины с омерзением относятся к этому самоискажению, называя его малодушием. По понятиям их, надо побороть плоть духовно, не прибегая к хирургическим операциям. «Что за победа над врагом, когда враг умерщвлен? — говорят они: — тут нет божьего дела, одно только малодушие». Но и в иных кораблях скопчество считается тем, чем у нас монашество. Вообще же у хлыстов особой заслуги за скопцами не признается, и если некоторые скопцы уважаются ими, то не за оскотление, а в таком лишь случае, если в них «ходит дух», то есть если они способны скоро приходиться в

¹¹ Это слово употребляется не в общепринятом смысле старания, усердия, заботы, но в смысле радения к богу, то есть усердия соединиться с ним посредством особых телодвижений. В «Толковом словаре» В. И. Даля это объяснено так: «радеть» у скопцов хлыстов и прочих — отправлять свое богослужение с верченьем; «радение» — молитва в сборе радеющих (созерцательных) толков; «радетель, радельник, радельщик» — радеющий хлыст, скопец («Словарь живого великорусского языка», III, 4).

¹² Слово «изобретенный» употребляется у них при этом не в обычном его смысле измышленный, выдуманный, а в смысле обретенный, то есть найденный, отысканный. Мы еще не раз встретимся с хлыстовскими словами имеющими не тот смысл, какой придается ими общим употреблением.

восторженное состояние и получать способность пророчества и видений.

Тайные сектаторы истинного Христа Спасителя почитают богочеловеком, но таким же, как и их «христы изобретенные». Чудеса, им сотворенные, самая крестная смерть и воскресение суть, по мнению некоторых кораблей, одно лишь иносказание. Они не поклоняются иконам и кресту, хотя и употребляют их даже при некоторых своих обрядах. Литургию и другие церковные службы отвергают, говоря, что одно и то же читать и петь во веки веков без малейшей перемены есть дело мертвое, а богу всегда надо петь «песнь нову». Поэтому они и поют свои песни, большею частью отличающиеся бессмыслицей, но не лишенные печати какого-то дикого, фанатического вдохновения. Поют их на голоса простонародных песен. Говорят, что молиться надо одной только молитвой господней, как повелел Иисус Христос, и кроме того, петь духовные песни и псалмы. Но, как сказано было прежде, все они исполняют церковные обязанности усерднее настоящих православных, бывают в церкви за каждую службу, исповедуются и причащаются по четыре раза в год, и потому считаются людьми самыми усердными и благочестивыми. К этому надо еще присовокупить, что они, основываясь на словах евангелия: «не печитесь о завтрашнем дне», уклоняются от работ и представляют из себя общество тунеядцев.

Тайные секты держатся на Руси с древнейших времен. Они несравненно старше раскола-старообрядства, отделившегося от единения церковного только два столетия тому назад. Следы этих сект, правда, не совсем ясные, замечаются еще во времена святого князя Владимира. При нем пришельцы из-за Дуная принесли на Русь не одну чистую пшеницу вселенского учения, но и плевелы, которыми издавна была обильна почва Византии. С течением времени, в продолжение девяти почти веков, учение тайных сект, занесенных в Россию одновременно с христианством, видоизменялось, подвергалось разносторонним влияниям. Дохристианские понятия наших предков, языческие воззрения русевших и сливавшихся с славянским племенем народов финского племени, религиозные идеи, заносимые от времени до времени с Запада, наконец собственные измышления пытливых русских людей, все, в свою очередь, отражалось на духе и развитии этих сект. Конечно, исследователи русских тайных учений никогда не отыщут непрерывной струи от богомилов, пришедших на Русь при Владимире, до подполковницы Татариновой, скакавшей в Михайловском дворце, или до прыгуна Максима Рудометкина (он же и Комар), короновавшегося в деревне Никитиной, Александропольского уезда, Эриванской губернии, 19-го декабря 1857 года. Но тем не менее нельзя отрицать связи между этими явлениями, отстоящими друг от друга на целые восемь столетий. Письменные памятники старины не представляют нам почти никаких данных для точного и подробного определения, каким образом развивались в русском народе тайные секты, но отрывочные указания летописей, некоторые места других произведений старинной нашей письменности, наконец сказания и предания современных сектаторов могут нам дать хотя некоторые указания на то, что секты, о которых идет речь, столь же древни в России, как и само христианство.

Ересь богомилов, названная так по имени своего основателя, попа Богумила, появилась в IX или X столетии в единоплеменной нам Болгарии, тогда еще самостоятельной, имевшей своего царя и свою автокефальную церковь. Произошла она из смешения понятий павликианских с манихейскими. Павликиане, отвергавшие церковную иерархию, установленный раз навсегда порядок богослужения, не признававшие таинств и верившие в два самостоятельные начала: доброе и злое, были очень сильны в Азии, откуда император Иоанн Цимисхий решился вооруженною рукой выселить их в Европу, где, по мнению его, они не могли быть так опасны для Византийской империи, как вдали от столицы, на далеких окраинах государства. Цимисхий поселил павликиан во Фракии, на границе Болгарии; с ними же переселены были и многие из последователей Манеса, известные под именем еретиков-манихейцев, которые также признавали дуализм, заимствовав его из религии Зердушта. Учения тех и других проникли в иную еще тогда церковь болгарскую, и там образовалась ересь богомильская. Она соединила в себе дуализм, общий павликианам и манихейцам, с строгим аскетизмом манихеев, и до того существовавшим уже в болгарских

монастырях.¹³

У аскетов-манихеев нередко бывали примеры оскпления. Были они и у богомилов. Во времена святого Владимира в Россию пришло много православного духовенства, но так как богослужение должно было производиться на языке славянском, которого греки не разумели, то, конечно, пришедшие к предкам нашим попы в большинстве были болгаре. Между ними весьма легко могли попасть на Русскую землю и последователи возраставшей тогда секты богомилов. Они-то, конечно, и были первыми насадителями на русской почве учения тайных сект. Через шестнадцать лет после крещения Руси, еще при жизни Владимира, один из таких насадителей был осужден в Киеве. Это был монах, скопец Адриан, который, по известию «Никоновской летописи», в 1004 году хулил церковь, ее уставы и обряды и духовенство. Митрополит Леонтий, отлучив Адриана от церкви, посадил его в тюрьму, где скопец раскаялся.¹⁴

В XII веке, по указанию той же «Никоновской летописи», явился в Киеве другой еретик. Дмитр. Татищев говорит, что он в 1123 году отвергал устав церковный, за что киевским митрополитом Никитой и был сослан в город Сикелец.¹⁵

В первые времена христианства в России распространено было обличительное «слово на богомилов», сочиненное Козьмою, пресвитером болгарским. Было оно распространено, конечно, с целью противодействовать этому учению. Приведем некоторые выдержки из этого слова, чтобы показать главнейшие черты богомильского учения и сличить его с учениями русских тайных сект: «Диавола нарицают творца человеком. Христа не исповедуют сотвориша чудеси, глаголюще: несть Христос слепа просветил, ни хрома исцелил, ни мертв воскресил, но притчи то суть точию... грехи бо реша целеные; народом же напитанным в пустыни пятью хлебы не веруют, глаголюще. не суть то хлебы были, но четыре евангелисты, пятое опракс¹⁶

Апостол... Святое крещение отместут, гнушающесе крестимых младенцев... Несть божиим повелением творимо комкание,¹⁷ ни есть тело суще Христово, но аки все и простое брашно, не бо есть Христос творил литургию, тем же мы не имамы в честь того. Несть речено о святем хлебе и о чаше, о Тетроевангелии то есть речено и опракси Апостоли, а не о святем комкании. Тело наричуть Тетроевангелие, а кровь опракс Апостол. Еретицы сами себе исповеди творят и решат, сами суще связаны диаволими узами, не точию мужи то творят, но и жены Диавола мнят повелевша человеком жены понимати, а женящася человека и живущая в миру мамонины слуги зовут... Не многоглаголют в молитвах, но «Отче наш»... Церкви распутия мнят суца, многоглаголанная же литургии мнят и ины молитвы, бывающая в церквах. Чины святыя хулят, литургию мню и прочия молитвы. Не суть

¹³ Schmidt, «Histoire et doctrine de la secte de Cathares ou Albigeois», 1–8. Альбигойцы и вальденсы были одного происхождения с богомилами. В учении тех и других есть черты сходства с учением наших тайных сект.

¹⁴ «Никоновская летопись», I, 112.

¹⁵ «Никоновская летопись», II, 56. Татищева «История Российская», II, 223.

¹⁶ Следует «апракос».

¹⁷ «Комкание» — святое причастие, от латинского «communicatio»; слово это часто встречается в старинных наших памятниках, вместо слов евхаристия или приобщение.

апостолы литургию предали ни комканию. О кресте господни сице блазнящесе глаголют: како ся ему есть кланяти? Сына бо божия жидове на нем распяша, да вражда есть паче богу реет, тем же исповедаши его своя си учат, а не кланяются сице глаголюще: аще бо кто царева сына убил крестом древом, может ли древо от любо быти царю? Тако же крест богу. Не по своей воли распята мнят господа, ни за спасение человеческо, но по нужде. Не кланяются иконам, но кумиры наричут я. Слышавше апостола Павла о кумирах рекши: «не подобает нам повинутися злату или серебру сотворену хитростию человеческою», еретицы мнят то о иконех речено, да от того словесе обретшу си вину, не кланяются единые иконам, но страха деля человека и в церковь ходят, и крест и икону целуют, якоже нам поведают иже от них обратишася на нашу истинную веру, глаголюще: яко вся си творим человек деля, а не по сердцу, в тайне же скрываем свою веру. В день воскресения господня постятся и ручно дело творят, вся господские праздники и память святых мученик и отец не чтут. Вся преданныя законы святых божия церкви похуляют, своя си учения честно творяще, бающе некаки басни. Хулят иереи и вся саны церковные, фарисеи слепые зовуще правоверные попы и много на ня лающе, яко пси на конника. Не подобает тружатиися делающе земная (говорят они), господу рекше: «не пецытесе»; праздно ходят, не хотяще ничего же прияти своими руками, но преходящу от дому в дом, чужая снедая именья прельщаемых ими человек. Суть еретицы извону¹⁸ аки овца образом, кротци и смирени, и молчаливи, бледи¹⁹ же суть видети от лицемернаго поста, словесе сии не рекут, не смеются грохотом, не облазуют, хранятся от взора и вся творят извону, яко же не разнати их с правоверными христианы, изнутри же суть волцы и хищницы, яко же рече господь. Видяще бо человецы толико и таковое их смирение и мняще я правоверны суца и мощны направити на спасение приближаются к ним и вопрошают о спасении души; они же подобны волку, хотящу агня взяти, сперва поглумляются въздыхающе и со смирением отвещавают и проповедушесе творят суца на небесех, и где узрят человека проста суца и груба, ту же сеют плевелы учения своего, хуляще преданныя уставы святым церквам. Мы паче вас, глаголют еретицы, бога молим и бдим и молимся, а не живем в лености яко же вы. По плоти живут попове яве, а не по духу яко же мы».²⁰

Совершенные хлысты нашего времени! Несмотря на промежуток времени в восемь с лишком столетий, отделяющих болгарских богомилов от русских тайных сектаторов, сходство между ними поразительное. Читая сказание Козьмы, пресвитера болгарского, так и кажется, что не дела, совершавшиеся в Болгарии при тамошнем царе Петре, он описывает, а говорит про современные нам дела в какой-нибудь Самарской губернии, побывав в келейных рядах «духовниц».

В некоторых хлыстовских кораблях, сколько нам известно, а может быть, и во всех (чего, однако, положительно утверждать не можем), сохраняется обычай чтить пятницу вместо воскресенья. Что пятницу чтили богомилы, пресвитер Козьма не говорит, но упоминает о том, что воскресные дни ими не чествовались. Откуда произошло чествование пятницы в тайных сектах, решить не беремся, полагаем, однако, что едва ли оно могло быть заимствовано от мусульман-ордынцев, когда-то владевших нашим отечеством, как одним из своих улусов. Трудно, даже невозможно предположить, чтобы «басурманский» обычай мог быть усвоен русским народом, всегда приверженным к наружным видам богопочтения, в

¹⁸ Извне, снаружи.

¹⁹ Бледны, худошавы, худы.

²⁰ Приводимые отрывки из слова Козьмы, пресвитера болгарского, мы заимствовали из сочинения г. Руднева: «Рассуждение о ересь и расколах в русской церкви со времени Владимира Великаго до Иоанна Грознаго». Москва, 1838 г., примечание, стр. 7-10. Г. Руднев печатал по рукописи, находящейся в библиотеке московской духовной академии.

особенности же к чествованиям установленных церковью праздников. Тем не менее, однако, чествование пятницы (конечно, не в ущерб воскресенью) и до сих пор сильно распространено в великорусском простонародье, особенно между женщинами. Преимущественно чтутся десять пятниц после Пасхи, особенно девятая. К этим пятницам приурочены особые богомоления, большею частью вне селений, на ключах, на колодцах, крестные ходы к полевым часовням, народные сходбища, торжки, ярмарки. Пятницу отождествляют с мученицей Параскевой и называют ее Прасковьей-Пятницей,²¹ но в молитвах при этом обращаются не к ней, а к богородице. Имя Пятницы в некоторых хлыстовских кораблях придается их богородицам, что, например, видно из следующих слов хлыстовской песни:

Благослови, Пятница,
Сударыня матушка,
Свет-богородица,
Святым делом порадеть,
Трудов своих не жалеть, и пр.

Из дела, производившегося в тридцатых годах нынешнего столетия о сектаторах села Краснопрудовки (Орловского уезда), видно, что одна из девок тамошнего корабля (в котором были и скопцы) назывались Богородицей, а другая Пятницей». Кроме Пятницы в хлыстовских кораблях почитают еще Настасью-Воскресенье,²² но менее, чем Пятницу. О ней поется в радельных песнях:

Ты Настасья, свет Настасья,
Отверзай царски врата,
Встречай батюшку Христа
С милосердьем, со прощеньем
И со светлым *воскресеньем* .

Покойный Надеждин полагал,²³ что в этой песне воспоминается богородица Настасья Карповна, казненная в 1734 году. Но не относится ли это скорее к Настасье-Воскресенью, издавна чествуемой тайными сектаторами? О чествовании Настасьи (Воскресенья) и (Прасковии) Пятницы находим упоминание в «Стоглаве». Царь Иван Васильевич, в 1551 г., предлагает собору следующий вопрос: «Да по погостам и по селам ходят лживые пророки (пророки у хлыстов неразлучны с богородицей Пятницей; они ей «поют в духе»), мужики и женки, и девки, и старья бабы, нагия и босья, волосы отrostив и распустя, трясутся и убиваются, и сказывают, что им является святая Пятница и Настасии, и велят им, чтобы оне заповедали христианам каноны завечати, оне же заповедают в среду и пяток ручного дела не делать, и женам не прясти и платья не мыти и камения не разжигати, а иныя заповедают богомерзкия дела творити, кроме божественных писаний. Что тем нагим, и босым, и лживым пророкам путь, чтобы не соблазняли?»²⁴

²¹ Пятница — значит пятница.

²² Воскресенье — значит воскресение. Несколько святых угодниц носили это имя.

²³ В личных с нами беседах.

²⁴ «Стоглав», глава 41, вопрос 21. По изданию Кожанчикова. СПб. 1863 г., стр. 138.

Полагаем, что царский вопрос разумел последователей секты, теперь называемой «хлыстовщиной». Триста лет тому назад она не скрывалась, или по крайней мере скрывалась несравненно менее, чем теперь, если не в центрах правительственной деятельности — в Москве и главных городах, то по погостам и селам. «Живые *пророки*, мужики, женки и девки, нагия и босья, волосы отростив и распустя, *трясутся и убиваются* и т. д.», как увидим, чрезвычайно похожи на хлыстов нашего времени. Полагаем, что «Стоглав» говорит об их предшественниках.

В «Духовном регламенте», написанном Феофаном Прокоповичем и утвержденном в феврале 1720 года, опять встречаемся со святою Пятницей: «Могут обрестися, сказано там, пеня и церемонии непотребныя, или вредныя. Слышится в Малой России, в полку Стародубском, в день уреченный праздничный, водят женку простовласую под именем Пятницы, а водят в ходе церковном (если то по истине скажут) и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некия пользы».²⁵

Всенародные оказательства тайных сект в виде чествования Пятницы прекратились не тотчас после издания «Духовнаго регламента». Срубленные в 1734 году головы богородицы Настасьи Карповны, пророка Филарета, инока Петровского монастыря, сожжение костей прежних христов людей божьих, рассылка по дальним монастырям их последователей, заставили сектаторов притаиться. В нынешнем столетии мы уже не встречаем публичного оказательства хлыстовской секты. Но вера в святою Пятницу-богородицу во многих местностях до сих пор сохраняется между простолюдинами, потеряв, однако, всякие соотношения и связь с сектами, откуда, как мы убеждены, произошла она.

Из христов, являвшихся в России между последователями тайных сект, дошли до нас предания об Аверьяне, жившем во времена Дмитрия Донского, и об Иване Емельяновиче, бывшем при царе Иване Васильевиче Грозном. Об Аверьяне-христе говорится, будто он жил во времена Дмитрия Донского и убит на Куликовом поле мамаевыми татарами, стало быть участвовал в походе Донского вместе со своими приверженцами.

Об Емельянове у хлыстов сохранилось предание, что был он московский житель, Кадашевской слободы, и было у него двенадцать апостолов, с которыми он расхаживал по Москве и ее окрестностям. Царь Иван Васильевич, узнав, что Емельянов умеет предсказывать будущее, велел будто бы привести его к себе и спросил: — «Правду ли про тебя, Ванька, идет людская молва, что ты пророчишь?» На это Емельянов отвечал: — «Ванька-то ты, беспутный цариска, а не я. Я сын божий Иоанн. Ты царь земной, а я небесный». Царь разгневался, бросился на Емельянова, хотел его пронзить своим железным костью, но Емельянов погрозил ему пальцем, и царь упал ниц. Показалось ему, что пред ним стоит истинный Иисус Христос, как он изображен на иконе в Успенском соборе с угрожающим перстом. Тогда царь Иван Васильевич с честью отпустил Ивана Емельянова и будто позволил ему идти на все четыре стороны со своими двенадцатью апостолами и с разными силами небесными. То и другое предание сохранилось в хлыстовских песнях. Вот первая из них, употреблявшаяся хлыстами Воронежской губернии при их радениях:

Благослови, господь, воспеть,
Нам «Христос воскрес» пропеть!
Полно, детушки, терпеть,
Разорви греховну сеть,
От темницы каменно й
Выходил сам бог живой,
Выходил сударик наш,
Яко вековечный страж,

²⁵ «Духовный регламент», Москва, 1856 г, стр. 19.

Говорил деткам Своим:
«Собирайтесь в Русалим»,²⁶

Мои милые дружки,
Сотворите-ка кружки,²⁷

На том месте на святом,
Где татаринoм клятом
Снята главушка с христа,
Ровно серпикoм с листа».
Как ходили на Мамаю,
Люди божьи, не хромая,²⁸

Христа бога поминая,
Христа, сударь, Аверьяна,
Аверьяна, не буяна,
Распинали же его,
Христа бога моего,
Как на поле Куликовском,
Во наездии Ростовском(?)...
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь.

Об Иване Емельянове у хлыстов Рязанской губернии, Зарайского уезда, Московской — Серпуховского и в других местах употреблялась лет тридцать тому назад следующая песня, по всей вероятности, и теперь распеваемая на радениях:

Грозен, грозен царь Иванушка,
Грозен, грозен сын Васильевский!
Уж порол же он, порол бояр,
Уж травил же их медведями,
А не стало и в нем храбрости
Супротив царя небесного,
Свет Ивана Емельяныча.
Соходились люди божии
На святом кругу, в Кадашеве,
Сокатал на них сударь дух святой,
Взрадел с ними отец родной,
Сам отец наш, Иван Емельянович,
Сам батюшка Христос истинный,

²⁶ То есть Иерусалим. Хлысты и скопцы главнейшие места своих собраний называют «домом божьим», «Иерусалимом» и т. п.

²⁷ Во время своих радений хлысты и скопцы становятся друг подле друга, образуя круг. Этот круг называется «святым кругом», «святым кружком».

²⁸ Так называют себя хлысты.

Со двенадцатью апостолы,
С херувимами, с серафимами,
Со ангелы, со архангелы
И со всею силою небесною.
Спознавали людей божиих
И христа царя небеснаго
Архереи иудейские.
С патриархом волком Никоном (?)
Иудейские — московские,
Предавали христа батюшку
На святую страсть, смерть вольную
Самому царю Иванушке
Свет Васильевичу Грозному.
Возговорил царь Иванушка
Самому царю небесному:
«Вправду ль, Ванька, молва идет,
Что горазд ты пророчить стал?»
Отвещает ему сударь батюшка
Своими устами пречистыми:
«Уж ты Ванька, ты Ванька, беспутный царь,
Сам ты, Ванька, людскую кровь пьешь,
А мясом человеческим закусываешь,
Я не Ванька, — Иван, да не Предтеча,
А сам спас, христос сын божий».
Тут у царя Иванушки сердце разгорелось,
Хочет царишка спаса жезлом прободать,
Хочет Иванушка пречистую плоть растерзать,
Да не стало у Иванушки силушки,
Не стало у Васильича храбрости:
Перед ним сам спас стоит,
Перстом правья руки грозит,
Как на той ли на иконе Мануиловой.
Упал тут земной царь перед небесным:
«Ступай, спасе, на все на четыре стороны
Со всеми своими двенадцатью апостолы,
С херувимами, с серафимами,
Со ангелы, со архангелы
И со всею силою небесною».
Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь.

Из преданий хлыстовских, вошедших частью в их песни, частью в сказания, видно, что во времена Ивана Емельянова была богородица Марья Якимовна и что хлыстовщина содержалась кроме Москвы в Киржаче (ныне заштатный город Владимирской губернии) и на реке Андоме.²⁹

Появление христов с двенадцатью апостолами, столь обыкновенное ныне в тайных сектах, вероятно, бывало (как видно из приведенного об Иване Емельянове) и в XVI столетии. В первых годах того же столетия такой же христос и также с двенадцатью

²⁹ «Письма о расколе», 1662 г., стр. 55.

апостолами явился между русскими в нынешней Галиции и прошел в Силезию. Вот рассказ о том густынского летописца: «В то же лето (1507) за Краковом собрался лестцов неких тринадцать, иже поведаху ся быти апостолами и единого же собою нарекоша христом, и ходиша по селам, безумных лестяше, и многа чудеса хитростью твориша: в безводных озерах пред людьми рыбы ловиша, прежде их тамо наметавши; наемши кого да ся мертвым сотворит, донели же его воскресят, тако мертвых воскрешаху и пр. На Шлионску же гостиша у единых жены, и понеже не хоте им дати, еже у нея прошаху, тай вложиша губку зажжену во убрус, отыдоша, грозящей ей пометою от бога, она же не смотревши, вложи убрус со огнем в скрыню, и помалу возгореся ей скрыня и потом весь дом изгоре, егда же прииде муж ея и глагола: «Что се есть?» она же рече: «Яко христос мя покара, ему же не дах, еже мя прошаше». Муж же, яко смысленнейший, позна, яко лестцы бяху сии и собрав соседы и гнаше по них, идеже крепко их биша, яко оттоле преста тоя лести».

Из этого должно заключить, что христовщина не ограничивалась в старые годы одним Московским государством, но что лжехристы появлялись и между русским населением, отделенным от нас политически. И одним ли русским? В Силезии жили хотя и славяне, но не русские.

III

Строгий аскетизм манихеев, существовавший в болгарских монастырях, дал аскетическое направление богомилам. Аскетизм, сильно развившийся в России, особенно во времена татарского владычества, имел такое же влияние на русские тайные секты, от богомильства происшедшие. Последователи их, и прежние и современные, всегда изнуряли тело постом, веригами, сильными телодвижениями, и не одними земными поклонами, которых для них казалось недостаточно, но прыжками, скаканьем, верченьем в продолжение долгого времени, причем спирали дыхание и таким образом доходили до состояния восторженного иступления. Замечательно, что эти своего рода дервиши, как увидим в дальнейшем изложении, нередко открываемы были в православных монастырях, как мужских, так и женских. Хлыстовщина постоянно имела немало последователей между людьми набожными, богомольными, как, например, в женских общинах и в так называемых «келейных рядах» больших селений, где обыкновенно живут старые девки и вдовы, оставившие хозяйство для богомолья и чтения духовных книг. Это так называемые «духовницы», сманивающие к себе молодых девок, представляя им брачное состояние греховным и ведущим к неизбежной душевной гибели. Так называемые «блаженные» или «юродивые» — явление также самое обыкновенное в «кораблях» тайных сект.

В Костромской губернии, на правом берегу Волги, в Кинешемском уезде, около Плеса и Решмы, принадлежащих к «тайным сектам» зовут *купидонами*. Это испорченное слово *капитоны*. Известны они и под именем *подрешетников*. О тех и других упоминает еще св. Дмитрий Ростовский. Название капитонов было очень известно в конце XVII столетия. Некоторые писатели того времени, например, Матвеев в своих записках о жизни своего отца и о стрелецких бунтах, даже всех вообще раскольников называют капитонами.³⁰

Купидоны считают основателем своей секты пустынника Капитона, жившего в XVII столетии в Колесниковой пустыни, что была в Костромском уезде. О нем мы находим сведения и у церковных писателей (митрополита тобольского Игнатия Римского-Корсакова и св. Дмитрия, митрополита Ростовского), и у известного раскольничьего писателя князя Семена Денисовича Мышецкого. Капитон учил еще до совершившегося в церкви раскола старообрядства, в царствование Михаила Феодоровича, которому, по уверению Семена Денисовича, был лично известен. Капитон был такой строгий постник, что даже в Светлое

³⁰ «Записки русских людей», издание Сахарова, Спб. 1841, 39.

Воскресенье не позволял ни себе, ни ученикам своим употребления какой-либо пищи, кроме хлеба, семян и ягод, и вместо красных пасхальных яиц христосовался луковичами. Семен Денисович, почитавший Капитона своим (то есть беспоповцем), упоминает, что он был *пророком* : «пророческих дарований преизобильно богатство почерпе, предняя яко задняя, дальная яко ближняя непогрешительно возвещаше». ³¹

В состоянии самообольщения своей святости, Капитон в самом деле почитал себя необыкновенным угодником и вследствие того, по словам Дмитрия Ростовского, «начать презирати чин духовный и не хотяше принимати благословения от лиц духовных: тоже начат новое изобретати учение и веру по своему зломудрию и творити расколы и раздоры в церкви Христовой, веля чуждаться соединения церковнаго и благословения иерейскаго». ³²

Все это было еще в царствование Михаила Феодоровича, задолго до никоновского исправления богослужебных книг, послужившего поводом к открытому отпадению так называемых старообрядцев от единения с православною церковью.

Когда началась церковная смута по поводу этого исправления, Капитон объявил новые книги еретическими и богу негодными. Правительство, узнав о том, сочло Капитона за обыкновенного раскольника-старообрядца, подобного Аввакуму, Никите и их единомышленникам, и потребовало его к суду. Узнав о том заблаговременно, Капитон бежал из Колесниковой пустыни в леса Вязниковские и там, не открытый правительством, жил долго, распространяя свою аскетическую, близкую к хлыстовщине секту, и умер не отысканный. Он не дошел до того, чтоб объявить себя христом, но проложил к этому путь ученикам своим. Заметим при этом, что «купидоны» (равно и подрешетники) тем отличаются от прочих отраслей хлыстовщины, что уважают только старые дониконовские книги, как и старообрядцы, хотя, подобно принадлежащим к другим хлыстовским кораблям, и говорят, что все писание есть только «учение внешнее», еще недостаточное для спасения и приближения к богу, которого-де можно достичь лишь посредством чтения «книги животной», находящейся в сердце человеческого, и посредством пребывания во «внутренней церкви», которая «не в бревнах, а в ребрах». Предпочтение дониконовских книг новым, отличающее секты «купидонов» и «подрешетников» от других подобных им, можно объяснить тем, что основатель их учения вступился за старые книги во время замены их новоисправленными.

У Капитона было несколько учеников, пребывавших с ним в пустыни. В числе их был Ефим ³³ Подрешетников. О нем также упоминает св. Дмитрий Ростовский. «В те же времена, — говорит он в своем «Розыске», — в уездах Кинешемских и Решемских и на Плесе, явишася инии раскольники, глаголемые *подрешетники* , нареченные тако от учителя своего, его же имеяху некоего поселянина, прозываемаго Подрешетников, иже преследуя ересиарху Капитону, учаше людей не ходити в церковь Божию, ни отцов духовных имети, ни к благословию иерейскому приходити, и всех таинств церковных чуждаться. Тии сами в домех своих творяху некия церковныя службы по чину иерейскому, не освящении бывше, и младенцы крещаху (?), причасте же у них бяше некое волшебное, не хлеб, но ягоды, изюм глаголемыя, чарованием напоенныя (мы встретимся с этим волшебным причастием и в других тайных сектах), их же причащахуса чином таковым: изберут от между себя едину девку (это мать-сыра-земля, как увидим впоследствии), и в подполье избы введше

³¹ Семена Денисова «Российский виноград», рукопись.

³² Св. Дмитрия Ростовского «Розыск». Москва, издание 1855 г., стр. 571.

³³ Или Ефрем. В находящейся у нас рукописи о купидонах (нового письма и состава — сороковых годов нынешнего столетия) написано неразборчиво. В ней прозвание его не Подрешетников, а Подрешетник.

ю, в цветное платье наряжат, та по часе выходит из подполья, носяще на главе своей решето, покрытое чистым платом, в решете же ягоды изюм; а в избе множество собравшихся мужей, и жен, и детей. Вышедши убо из подполья девка с решетом, на главе ея носимом, глаголет по подобию иерейскому «всех вас да помянет господь бог во царствии своем всегда ныне и присно и во веки веков (веком?)». Они же, поклонившись, отвещают: «аминь». Сие же девка оная глаголет трижды, и они трижды «аминь» отвещевают. И потом девка та даст им то богохульное приношение, вместо причащения Святых Таин; вкусившие же от тех ягод абие желают себе смерти, аки бы за Христа, сожещися или удавитися, или в воде утопитися, аки исступльшие от ума; и многие тако сами себя погубили». ³⁴

О волшебном причастии в виде изюма или клюквы, в виде особых шариков, упоминает не раз св. Дмитрий Ростовский в своем «Розыске», говоря, что вследствие этого очарованного яства люди впадали в самоисступление. Так, в его епархии, в Пошехонском уезде, около 1700 года, сожглись 1920 человек в Белосельской волости, прихода Пятницкого, не считая множества людей, сожженных в окрестных селах и деревнях. Во время этих самосожигательств приехал в свою вотчину, Белосельскую волость, князь Иван Иванович Голицын уговаривать своих крестьян, чтобы перестали сожигаться. А жглись те люди, говорит святой Дмитрий, со слов местного священника Игнатия, по наущению крестьянина деревни Холма, Ивана Десятины. Когда он был приведен к князю Голицыну, у него выпали из платья «три ягоды, деланныя от некия муки, величеством подобны клюкве». Десятина стал было ногою растирать эти ягоды, но крестовый (домашний) поп князя Голицына, с ними бывший, успел поднять одну ягоду, растер ее пальцами на хлебе и бросил собаке. Собака взбесилась и бросилась в огонь, разведенный на дворе. Крестовый поп вздумал попробовать ягоду, «хотя вкус ея уведати, и абие сотворися вне ума». Его свели в поварню, где готовили князю обед, поп бросился в печь, сжег себе волосы и бороду, но был вытащен из огня. Пробыв без ума целые сутки, он потом рассказывал: «егда меня в подклет введоша, показася мне печь, яко рай, а устие печи яко дверь райская. В печи же, во огне видех пресветлыя юноши, иже призываху мя к себе, глаголюще: «пойди к нам», аз же абие к ним вергохся». ³⁵

Все это очень похоже на известного рода сказки о волшебствах, колдунах и вообще о неестественном. Но нельзя решительно отвергать, чтобы во всех этих рассказах не было чего-нибудь и правдоподобного. Если у последователей тайных сект ближайшего к нам времени находили какие-то одуряющие снадобья, вроде опия или гашиша, почему же не допустить, что какой-нибудь дурман был в употреблении у подрешетников XVII столетия? Самый гашиш и опий, тогда уже распространенные на мусульманском Востоке, могли привозиться в Россию армянами, которых со времени царя Алексея Михайловича было уже немало, не только в Астрахани и Казани, но и в самой Москве, и которые, как известно из современных документов, постоянно торговали всякими запретными товарами.

Крестьянин Юрьевского уезда Данила Филиппов также был в числе учеников Капитона, но в которой пустыни, в Колесниковой или в Вязниковской, предания хлыстов не упоминают. Во время сильных споров о том, по старым или по новым книгам можно спастись, Данила Филиппович, уже имевший собственных учеников, решил, что ни те ни другие никуда не годятся и что для спасения души необходима одна:

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная:

³⁴ «Розыск», издание 1855 г., стр. 571, 572.

³⁵ «Розыск», издание 1855 г., стр. 586 и 587.

Сам сударь дух святой.

Он учил, что надо молиться духом и что при таком только молении в человека может вселиться дух божий. Хлысты рассказывают, что их учитель, в доказательство ненужности и старых и новых книг, собрал те и другие в один куль, положил в него для груза камней и бросил в Волгу.

Через несколько времени Данила Филиппович является в окрестностях Стародуба,³⁶ находившегося в тогдашнем Муромском уезде. В Стародубской волости, в приходе Егорьевском, говорят хлысты, на гору Городину,³⁷ среди ангелов и архангелов, херувимов и серафимов, в огненных облаках, в огненной колеснице, сошел с небес во славе своей сам господь Саваоф. Силы небесные вознеслись назад, на небо, а Саваоф остался на земле в образе человеческом, воплотясь в Даниле Филипповиче. С этого времени Данила Филиппович перестал быть человеком, а сделался «живым богом» и стал называться *верховным гостем, превышним богом, богатым гостем*. Признавшие его «живым богом» стали именоваться *людьми божьими*. Так хлысты и до сих пор называют себя.

Лжесаваоф водворился в деревне Старой, неподалеку от Костромы. Сюда сходились к нему для отправления своих обрядов «люди божьи». Дом, в котором он жил, назван был *домом божьим*. Город Кострома, неподалеку от которой поселился «верховный гость», получил от его последователей название *Горнего Иерусалима*, а также *город Кострома верховная сторона*. Через несколько времени лжесаваоф, как рассказывают хлысты, перенес «божий дом» из деревни Старой в Кострому.

Потопление Данилой Филипповичем книг в Волге, по сказаниям последователей хлыстовщины, было уже после чуда, совершившегося на горе Городине. Не имея земного начала, рассказывают они, «верховный гость Данила Филиппович» от духа святого получил наставления, что надо проповедовать земнородным, и творил чудеса. По наставлению святого духа, говорят они, Данила Филиппович утопил и книжное писание, не велел людям иметь книжное учение, и заповедал во всем руководствоваться единственно его словами и теми вдохновенными речами, что скажут на радениях пророки, пребывая в «духе».³⁸

Вот двенадцать заповедей, данных, по словам хлыстов, Данилой Филипповичем ученикам своим:

1. Аз есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Нет другого бога, кроме меня.
2. Нет другого учения. Не ищите его.
3. На чем поставлены, на том и стойте.
4. Храните божьи заповеди и будете вселенные ловцы.
5. Хмельного не пейте, плотского греха не творите.
6. Не женитесь, а кто женат, живи с женою как с сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь.
7. Скверных слов и сквернословия не говорите.³⁹

³⁶ На реке Клязьме, в нынешнем Ковровском уезде, Владимирской губернии. Теперь он известен под названием Кляземского городка.

³⁷ Село Егорий на реке Вязьме и деревня Городина на р. Уводи в Ковровском уезде, Владимирской губернии, близ Ивановской железной дороги.

³⁸ То есть в состоянии восторженного исступления, до которого доходят они на радениях.

³⁹ Под скверными словами хлысты разумеют известные русские ругательства, под сквернословием — упоминание слов: дьявол, черт, бес и т. п.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте.

9. Не воруйте. Кто единую копейку украдет, тому копейку положат на том свете на темя, и когда от адского огня она растопится, тогда только тот человек прощение примет.

10. Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнем жечь — терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость.

11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, заповеди мои храните, бога молитесь.

12. Святому духу верьте.⁴⁰

Продолжаем предания хлыстов об их «живых богах», предания, отличающиеся дикостью разгоряченного воображения, нелепостями, превосходящими одна другую свою чудовищность, но тем не менее составляющими предмет несомненной веры последователей тайных сект. Не думаем, чтоб эти сказания были принимаемы на веру образованными людьми, которые в нынешнем уже столетии вошли в тайные секты, но что они считали христов и богородиц за людей, святою жизнью своею приобретших особенную благодать, — это сомнению не подлежит.

За пятнадцать лет до сошествия на гору Городину «господа Саваофа», рассказывают хлысты, родился сын божий, христос Иван Тимофеевич Суслов. Родился он в Муромском уезде, в селе Максакове, принадлежавшем тогда Нарышкиным, от богородицы Арины Нестеровны. Ей было сто лет, когда она родила Ивана Тимофеевича. Такое чудо указало будто бы людям на то, что родился в мир не прост человек, а сам христос, сын бога вышнего. Когда Ивану Тимофеевичу исполнилось тридцать лет, был он позван верховным гостем Данилой Филипповичем в Кострому, в деревне Старой «богатый верховный гость» сделал его «живым богом» и «дал ему божество». Для этого три дня сряду, при свидетелях, он возносил его с собою на небеса. После того Иван Тимофеевич, по велению отца своего, вышнего бога Данилы Филипповича, возвратился в свои места на берега Оки. Здесь одним из главнейших его притонов было село Павлов-Перевоз.⁴¹

Переходя из села в село, из деревни в деревню, Иван Тимофеевич распространял учение верховного гостя, заключающееся в приведенных заповедях. С ним жила девица, очень красивая собой, она почиталась «дочерью живого бога» и «богородицею». По свидетельству св. Дмитрия Ростовского, она была родом из села Ландиха, посадского человека дочь.⁴²

Кроме богородицы, по тому же свидетельству, были у Ивана Тимофеевича и двенадцать апостолов. Как и апостолы закраковского христа 1507 года, они ходили по селам

⁴⁰ Сказание о Даниле Филипповиче и заповеди его заимствованы из формального дела, производившегося в 1845 и 1846 годах об открытых в Москве хлыстах корабля пророка Евграфова.

⁴¹ Ныне село Павлово, Горбатовского уезда, Нижегородской губернии, на правом берегу Оки, принадлежащее графу Шереметеву и известное обширным производством стальных изделий, которые по имени села называются в торговле «павловскими изделиями».

⁴² «Розыск», изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Большие торговые села Верхний-Ландих и Нижний-Ландих, ныне в Гороховецком уезде, Владимирской губернии. Это бывшая вотчина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, куда приезжали к нему нижегородские послы звать в ополчение. Стародубская волость, где появился лжесаваоф, также была вотчиной князей Пожарских. В «Розыске» о богородице из Ландиха св. Дмитрий Ростовский говорит следующее: «а водит с собою (лжехристос) девицу краснолицну и зовет ю материю себе, а верующие в него зовут ю богородицею, а девица та родом русская из Нижегородского уезда села Ландюха посадского человека дочь».

и деревням и «проповедовали христа, аки бы истиннаго, простым мужикам и бабам, и кого прельстят, приводили к нему на поклонение, а кланялись ему без крестнаго знаменія». ⁴³

Монах Пахомий рассказывал св. Дмитрию Ростовскому, что слышал он от очевидца, приведенного одним из учеников лжехриста к нему на поклонение, следующее: «Бе тогда той христос на реке Волге, в селе Работки, ⁴⁴ глаголемом за Нижним Новгородом, верст сорок по Волге вниз. Есть же в том селе на бреже реки церковь ветха и пуста, и собращася тогда к нему людие, верующие в онь, на мольбу к церкви оной. Изыде же христос оный из алтаря к людям в церковь и в трапезу, и зрящеся на главе его нечто велико обверчено по подобию венца на иконах пишемаго, и некия малыя лица красныя, по подобию птиц, летаху около главы его, их же глаголют быти херувимами (нам же мнится, яко или беси в подобиях таковых мечтательно людям зряхуся, или красками писаны были херувимы на пищевой бумаге и окрест венца прицеплены). Седшу же ему вси люди тамо собравшиеся поклонишася тому до земли, аки истинному Христу, и кляняхуся непрестанно молящеся на мног час, дондеже изнеможи им до молитвы. В молитве же взываху к нему овии: «господи, помилуй мя!» глаголюще овии же: «о, создателю наш, помилуй нас». Он же к ним пророческая некая словеса глаголаше, сказующи, что будет, каковое воздуха применение, и утверждаше их верити в онь несумненно». ⁴⁵

Это первое по времени прямое и положительное указание на существовавшую у нас издавна хлыстовщину, которую св. Дмитрий называет «христовщиной». Книга, из которой мы заимствовали сейчас приведенный рассказ, писана была между 1702 годом, когда автор ее назначен на ростовскую митрополию, и 1709, когда он скончался. «Выходит, с самых первых годов прошлаго XVIII столетия, — говорит покойный Надеждин, ⁴⁶ — описанная здесь секта слыла уже существующею и притом в таком виде, который предполагает некоторую продолжительность ея существования; ибо даже и в таком случае, если б упоминаемый здесь лжехристос был первый в своем роде зачинщик дела дотоле небывалаго, ему все-таки надо было время и время, чтобы приобрести влияние, какое он представляется уже имевшим, внушить к себе столь чудовищное доверие, завестись лжебогородицею и лжеапостолами. Таким образом уже то одно, что такой рассказ мог состояться и дойти до сведения святого Дмитрия, указывает на присутствие у нас секты христовщины, по меньшей мере, с конца XVII столетия. Что святой Дмитрий записал этот рассказ верно, как принял его, хотя уже и из вторых рук, но со слов очевидца, в этом не может быть никакого сомнения даже и для той разборчивости, которая в святости сана и жизни писателя видела бы больше поводов подозревать, чем доверять безусловно. Собственное свое примечание «о херувимах, летавших будто бы вокруг головы лжехриста, при явлении его поклонникам», святой писатель поместил отдельно от того, ⁴⁷ что передавал со слуха. Но до какой степени самый

⁴³ «Розыск», изд. 1855 г., т. III, стр. 599. Впоследствии в большей части хлыстовских кораблей, а также в происшедших от них скопческих, стали креститься, но обеими руками вдруг. Они объясняют причину этого обряда следующим образом: «Молитва есть возношение на небо, яко мысленныя птицы, парение руки же со крестом крылья той птицы. А какая птица одним правым крылом летает? Надо летать обоими крыльями, то есть креститься обеими руками».

⁴⁴ Село Работки, на Волге, Макарьевского уезда, Нижегородской губернии, по-нынешнему 60 верст от Нижнего.

⁴⁵ «Розыск». Издание 1855 г., III, стр. 599–600.

⁴⁶ Корректурный лист, о котором выше сказано.

⁴⁷ В скобках.

этот слух мог быть истинным? Конечно, крайняя осторожность нужна при оценке вероятия народной молвы, особенно, когда молва эта касается предметов веры, наиболее раздражающих народное воображение: известны нелепые сказки и клеветы, которые во все времена и у всех народов пропускались вследствие религиозных пристрастий. Но вот новое, весьма любопытное свидетельство, в котором нельзя не признать более или...» На этом корректурный лист покойного Надеждина прекращается, но, судя по оглавлению первой главы, здесь непосредственно должен был следовать рассказ из «Густынской летописи» о закраковском лжехристе и, конечно, тот вывод, что христовщина существовала в русском народе гораздо ранее конца XVII века.

Возвращаемся к сказаниям хлыстов. Когда «истинная вера людей божьих» от проповеди Ивана Тимофеевича Сулова, с его богородицей и двенадцатью апостолами, стала распространяться, дошло будто бы о том до вельможи царя Алексея Михайловича. По его велению, Ивана Тимофеевича схватили с сорока учениками и привезли в Москву. Здесь подвергли их розыску, и самого Сулова и учеников его пытали. Одному ему было дано столько кнутов, сколько всем сорока ученикам вместе, но судьи ничего ни от него, ни от учеников не узнали, никто из них ни слова не сказал, в чем состоит их учение. Тогда будто бы царь Алексей Михайлович велел их допрашивать самому патриарху Никону, но и тот ни в чем не успел, не открыли ему своей веры Иван Тимофеевич и ученики его. Передал их царь Морозову, самому ближайшему своему боярину. Морозов будто бы понял святость Ивана Тимофеевича и уклонился от дальнейшего производства дела под предлогом болезни. Оно передано было князю Одоевскому (Никите Ивановичу?), который в московском Кремле на Житном дворе, где поставлена потом церковь Благовещения, пытал Ивана Тимофеевича. Жег его князь Одоевский на малом огне, повесив на железный прут, потом жег в больших кострах. Но огонь его не касался, и с Житного двора Иван Тимофеевич вышел ничем невредим. После того пытали его на Красной площади, у Лобного места, наконец распяли на кремлевской стене, подле Спасских ворот, идя в Кремль направо, где после того была поставлена часовня. Когда Иван Тимофеевич испустил дух, приставленная стража из стрельцов сняла его со креста в четверг, а в пятницу похоронили его на Лобном месте в могиле со сводами. С субботы же на воскресенье он воскрес при свидетелях и явился ученикам своим в подмосковном селе Пахре. Здесь он по-прежнему учил людей божьих. Опять сведал про него царь Алексей Михайлович, опять велел взять в Москву на муки. Снова был предан Иван Тимофеевич страшным пыткам и снова распят на кресте, на том же самом месте, у Спасских ворот. Тут с него содрали кожу, но одна из учениц его покрыла тело чистою простыней, и произошло чудо: простыня обратилась в новую кожу, и Иван Тимофеевич опять остался ничем невредим. Однако умер во второй раз на кресте, но во второй раз и воскрес на третий день, также в воскресенье. С того времени он приобрел еще больше последователей. Они звали его «стародубским христом». Молва усилилась, и Сулов в третий раз был взят по повелению царя Алексея Михайловича и в третий раз обречен на мучения. Это случилось, говорят хлысты, в то самое время, как царице Наталье Кирилловне пришлось время разрешиться от бремени царевичем Петром Алексеевичем (стало быть, в 1672 году). Царице было пророчество, что она в таком лишь случае разрешится благополучно, если освободят от мук Ивана Тимофеевича. Царь велел его освободить.

С тех пор Иван Тимофеевич, говорят хлысты, тридцать лет прожил в Москве спокойно, распространяя тайное учение людей божьих (стало быть, до 1702 г.). Московский «дом божий», устроенный им по подобию костромского горнего Иерусалима Данилы Филипповича, находился за Сухаревою башней, на месте, принадлежавшем князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, и назван был Новым Иерусалимом. Сюда в 1699 году пришел из Костромы к «возлюбленному сыну своему» Ивану Тимофеевичу господь саваоф, верховный гость Данила Филиппович, на сотом году своей жизни. Здесь он много беседовал с сыном своим за столом, который до 1845 г., как святыня, сохранялся у московских хлыстов.⁴⁸

⁴⁸ Он поступил в кабинет раскольничьих вещей в министерстве внутренних дел. На одной доске стола

По рассказам их, из этого дома 1-го января 1700 года, в Васильев день, Данила Филиппович, после долгого радения, в виду всех собравшихся в Новый Иерусалим хлыстов, вознесся на небо. Потому, говорят они, с этого дня и стали считать новый год. Вскоре после вознесения Данилы Филипповича, Иван Тимофеевич должен был бежать из Москвы.

Таковы рассказы хлыстов про их старых «живых богов». Несмотря на их сказочность, можно однако заключить из них, что в конце XVII и в начале XVIII столетий производились об их секте розыски. Сохранились ли они в архивах — не знаем. Было бы весьма любопытно сопоставить заключающиеся в них сведения с приведенными сказаниями тайных сектаторов.

Иван Тимофеевич Суслов из Москвы ходил по разным местам, в том числе и в Воскресенский монастырь, именуемый Новым Иерусалимом. Здесь успел он совратить в хлыстовщину несколько монахов из самых набожных и благочестивых. Через них, может быть, познакомился он с соседним помещиком села Козьмодемьянского, князем Ефимом Васильевичем Мещерским. Этот князь Мещерский, по Головиным⁴⁹ родственник княгини Троекуровой и Лопухиных и заключенной в Суздале царицы Авдотьи Федоровны, принадлежал к противникам Петровых преобразований. Он находился в военной службе во время несчастного похода под Нарву, счастливым случаем избежал во время всеобщего поражения смерти и, возвратясь в Москву, стал вести жизнь уединенную и созерцательную. Приписывая избавление свое от смерти висевшей у него на шее во время битвы иконе Смоленской Богородицы, князь Мещерский в своем селе Козьмодемьянском построил моленную с крестообразными окнами, подвесил к ней стеклянный колокол с таким же языком и поставил туда икону, перед которою сам отправлял службы, и кроме того, как носилась молва, занимался изгнанием духов из бесноватых посредством хлыстанья их деревянными четками и кропления водой. К нему целыми сборищами ходили хлысты. Князь был женат, жену его звали княгиней Авдотьей; из какого она рода, не знаем.

Пятнадцать лет Иван Тимофеевич не бывал в Москве, скрываясь по разным местам у своих учеников. Наконец, удостоверясь, что в Москве про хлыстов забыли и преследований больше нет, возвратился он в свой Новый Иерусалим, за Сухареву башню, и, может быть, для того, чтобы не возбуждать внимания тогдашней полиции, не поселился в том доме, где беседовал с верховным гостем Данилой Филипповичем, а выстроил против него другой маленький домик, который сделался вторым московским «божьим домом». Живя здесь, Суслов распространил свое учение в монастырях московских — женских: Вознесенском, Рождественском, Ивановском, Новодевичьем и Варсонофьевском, и в мужских: Симоновом и Высокопетровском, что обнаружилось чрез несколько лет произведенными о хлыстах формальными следствиями. Прожив в Москве около трех лет, Иван Тимофеевич, по словам хлыстов, при многих свидетелях вознесся на небо. Бездыханное же тело его осталось на земле и было погребено при церкви Николы в Драчах. Он не взял на небо своего тела, как отец его Данила Филиппович, потому, говорят хлысты, что, будучи воплощенным сыном божьим, хотел показать пример благочестивого смирения и терпения на земле. Тело его недолго оставалось подле Никольской церкви. Приверженцы его вскоре исходатайствовали перенесение останков своего Христа в женский Ивановский монастырь, где среди иночествовавших было уже немало последовательниц хлыстовщины. Над новою могилою лжеХриста поставлен был памятник, на котором надпись гласила, что тут погребен святой

написаны были портреты Данилы Филипповича и Ивана Тимофеевича в виде образов. Там же взяты вериги Ивана Тимофеевича и другие предметы почитания хлыстов.

⁴⁹ Родная сестра князя Ефима Васильевича Мещерского, княжна Марья Васильевна была за Васильем Петровичем Головиным, двоюродным братом Авдотьи Матвеевны Головиной, бывшей за Александром Петровичем Лопухиным. Сестра царицы Авдотьи Федоровны, княгиня Настасья Федоровна Троекурова была во главе московской женской оппозиции против нововведений Петра, не надевала немецкого платья и т. п. В доме ее часто бывали юродивые и кликуши, в числе которых легко могли быть и хлысты.

угодник божий. Около двадцати лет был цел этот памятник с надписью о святости лжехриста. С бранными останками Ивана Тимофеевича Сулова, как увидим, случилось еще немало происшествий и после перенесения их в обитель ивановских монахинь-хлыстовок.

IV

По смерти Ивана Тимофеевича, у московских хлыстов место его заступил нижегородский стрелец Прокопий Данилович Лупкин. Говорят, он был родным сыном Данилы Филипповича.⁵⁰

Вот что известно об этом человеке из дел официальных.⁵¹

Он был лжехристом с 1713 года до смерти своей, последовавшей в 1732 г. Сначала служил он в стрелецком полку Венедикта Андреевича или Мироновича Батурина и участвовал в двух азовских походах. После того полк Батурина перешел из Азова в Москву, откуда, по прошествии года, снова отправлен в Азов на смену четырех полков, отправлявшихся в Великие Луки. По приезде в Азов царя Петра Алексеевича в 1695 году, стрельцов Батурина полка велено было распустить по городам в посады, в какой кто пожелает. Лупкин записался в Нижний Новгород и жил там несколько лет. В поход под Нарву в начале шведской войны велено было всех стрельцов Батурина полка, годных к службе, выслать в полки. В это время Лупкин, по разбору нижегородского воеводы Нелидова, оставлен был «якобы за скорбию» на месте жительства в Нижнем. В 1710 году всем стрельцам, проживавшим в Нижнем Новгороде, велено было явиться в Москву, в приказ земских дел, куда явился и Лупкин 17-го августа 1710 г. По осмотру Кирилла Лаврентьевича Чичерина, отставлен вовсе от службы «за падучею болезнию» и отпущен обратно в Нижний с паспортом, но неизвестно, остался ли он с тех пор в Москве или жил еще некоторое время в Нижнем, а потом явился в Москве. Из дел видно, что в 1714 году он был уже в Москве, но и в 1717 году еще не имел в ней собственного дома, а жил в Нижних Садовниках, на постоялом дворе оброчного крестьянина графа Бориса Петровича Шереметева, Ивана Федорова большого Соколова, содержавшего секту людей божиих. Этот Соколов доводился Лупкину племянником. В 1723 году Лупкин имел уже в Москве свой дом за Яузой в Таганке. Он умер 9-го ноября 1732 года, а 12-го того же месяца похоронен в Ивановском девичьем монастыре, рядом с Иваном Тимофеевичем Суловым.

В первые годы XVIII столетия в Нижнем строилась Рождественская церковь, составляющая теперь одно из лучших украшений этого города. Строил ее знаменитый богач своего времени Гурьев, тот самый, что строил в Москве церковь Успения на Покровке, имеющую много сходства с нижегородской. Гурьев не успел кончить строения; Рождественскую церковь достроили именитые люди Строгановы, отчего она и называется «строгановскою». Она находится на скате горы и поддерживается огромным контрфорсом, на котором перед церковью устроена обширная терраса. Церковь в два яруса, нижний никогда не был освящен, а освящение верхнего замедлилось по следующей причине. Весной 1722 года она была совершенно готова к освящению. В это время приехал в Нижний Петр I и остановился в доме Строгановых, стоявшем рядом с Рождественскою церковью. Осмотрев церковь, Петр велел ее запечатать впредь до особого его повеления. Это объясняли тем, будто Строгановы за большие деньги купили иконы Спасителя и Богородицы, что подле

⁵⁰ У хлыстов есть родословная потомства Данилы Филипповича. Все потомки его были христианами, пророками, богородицами и пророчицами. Последняя в роде богородица Устинья Васильевна была взята в 1848 году в Костромской губернии и заключена в Уфимский женский монастырь, где и умерла.

⁵¹ Дело о московских хлыстах, произведенное в 1745 году.

царских дверей, у итальянского живописца Каравака, которому Петр заказал эти иконы для Петропавловского собора в Петербурге. Но причина внезапного запечатания церкви оказалась другая. До сведения Петра дошло о радениях хлыстов в нижнем ярусе долго строившейся церкви. Он не узнал, конечно, что среди них находился сам христос людей божьих, Прокопий Данилович Лупкин. Ему сказали, что тут собирались разного звания люди, особенно так называемые кликуши, что на этих собраниях пророчат, видят видения. А известно, как строго преследовал Петр и кликуш, и пророков, и разглашающих видения, после суздальского розыска над первою женою своею Авдотьей Федоровной. Церковь была распечатана и освящена уже при Екатерине I.

Из дела о хлыстовской секте, открытой в Москве в 1733 году, видно, что до 1714 года, когда Лупкин еще жил в Нижнем, она была распространена там между дворовыми людьми Строгановых. В корабле Лупкина между прочим находились: дворник⁵² дома Строгановых Иван Евдокимов Платонов и жена его Прасковья Иванова, по-видимому, пророчествовавшие, служитель Семен Дмитриев Солнцев и другие.

Жена Прокопия Лупкина, Акулина Ивановна, стрелецкая дочь, нижегородская уроженка, была богородицей еще в Нижнем, а потом и в Москве. Все семейство ее принадлежало к секте хлыстов: сестра ее, тоже Акулина, и братья: отставной стрелец Василий Иванов и Федосей Иванов — люди самые приближенные к Прокопию Лупкину и проживавшие вместе с ним в Москве с 1717 года. Оба они умерли до открытия хлыстовщины в Москве, сделанного в 1733 году. У Прокопия Даниловича и Акулины Ивановны был сын Спиридон Прокофьич, также весьма известный в хлыстовщине человек. В 1713 году он постригся в московском Симонове монастыре и принял имя Серафима. В Симонове стал он распространять учение людей божьих между тамошними монахами и вел себя так ловко, что, несмотря на сектаторство, пользовался особым расположением тогдашнего симоновского архимандрита Петра Смилянича, родом серба, который удостоил Серафима полной доверенности, не подозревая, конечно, что любимец его принадлежит к тайной секте и распространяет ее в обители. В 1721 году архимандрит сделал Серафима Лупкина экономом, что доставляло ему значительное влияние на братию, а еще более на крестьян монастырских вотчин. Вскоре после назначения Серафима в экономы, архимандрит Петр был определен советником в новоучрежденный святейший синод и потому должен был отправиться в Петербург.⁵³

Во время его отсутствия Серафим Лупкин (оставшийся экономом до 1731 года) успел сильно распространить хлыстовщину между симоновскими монахами. Из них двое: иеромонахи Филарет (в мире Федор Муратин) и Тихон (в мире Тимофей Струков), оба дворяне, перейдя в монастырь Высокопетровский, распространили и там свою секту. О других московских мужских монастырях, была ли там хлыстовщина, не знаем, но о женских положительно известно, что она была распространена во многих, почти во всех. Вообще женщины гораздо восприимчивее мужчин к принятию этого иступленного учения. Это видно из многочисленных дел, производившихся в последние полтора столетия о тайных

⁵² Слово дворник следует здесь принимать не в нынешнем его смысле (содержатель постоялого двора или сторож при городском доме), но в старинном: смотритель над торговым двором (см. В. И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка», 1, 376). Торговый дом Строгановых на Нижнем Базаре в Нижнем Новгороде, близ Рождественской церкви, был складочным местом огромного количества соли, которую Строгановы вываривали в Камском Усолье и в Ленве (ныне Соликамского уезда, Пермской губернии) и привозили на ладьях водою в Нижний для развоза отсюда по разным городам. Этот двор существовал с XVI столетия и донныне существует в виде конторы и соляных амбаров. Дворник Платонов в начале XVIII столетия был, говоря по-нынешнему, «управляющий нижегородскою конторой графов Строгановых».

⁵³ Впоследствии он был архимандритом Александро-Невской лавры, а в 1736 году посвящен в епископы курские.

сектах.

С 1714 и 1715 года замечается в Москве умножение так называемых христа-ради-юродивых и блаженных, а с ними вместе кликуш бесноватых. Эти люди, в раздранных рубищах, босые, со всклокоченными волосами, ходили по Гостиному двору, по домам, являлись в церквах и при духовных процессиях и были чтимы невежественными москвичами, видевшими в этих шатунах людей, будто бы одаренных особенною небесною благодатью и даром пророчества. Каждый хозяин лавки или дома, куда забредал кто-либо из этих людей, считал такое посещение за знак благословения божия на его дом, семейство, дела. Остатки этого суеверного почитания юродивых и подобных им побродяг остались и в Москве и в других местах Великой России до сих пор. Юродивые бывали и в архиерейских палатах, они жили даже во дворцах не самого, конечно, Петра, не терпевшего этих тунеядцев, а, например, у царицы Прасковьи Федоровны. Живший у нее Тимоша блаженный был с особенными почестями погребен в Чудове монастыре. Умножение этих людей обратило на себя внимание петрова правительства, за ними велено было смотреть строже. Тогда они немного притаились, скрывшись большею частью в монастырях и в домах знатных людей.

Не утверждаем, чтобы все эти юродивые, блаженные, кликуши и бесноватые, рассыпавшиеся по Москве и по ее монастырям, исключительно принадлежали к хлыстовской секте, но что многие из них к ней принадлежали и что некоторые христы, богородицы и пророки людей божьих считались юродивыми и кликушами, — это несомненно. В самом кликушестве, составляющем особого рода нервную болезнь, вроде падучей, есть много черт, сходных с исступлением последователей тайных сект, — исступлением, которое, в свою очередь, происходит также от раздражения нервной системы, возбужденной плясками, скачками, верчением, песнями и т. п. Хлыстовки, которых считали то кликушами, то обыкновенными раскольницами, распространили свою секту по московским женским монастырям.

Прежде всего, сколько известно нам, хлыстовщина появилась в монастыре Ивановском. Здесь жили еще последовательницы христа людей божьих Ивана Тимофеевича. Мы видели, что, когда он умер, его останки перенесли в этот монастырь. Ивановские монахини чествовали могилу лжехриста, как гробницу святого. В этом монастыре, с именем Анны, приняла пострижение жена Прокопия Лупкина, богородица людей божьих Акулина Ивановна, по имени которой некоторые впоследствии называли секту хлыстов акулиновщиной.⁵⁴

Сюда же поступила в монахини и родная сестра ее, тоже Акулина Ивановна, принявшая при пострижении имя Александры. В Ивановском монастыре образовался целый хлыстовский корабль, в котором были и инокини и белицы, но обе Акулины Ивановны первенства здесь не имели; они должны были уступить его инокине Анастасии (в мире Агафья Карпова). Она была богородицей не только корабля, образовавшегося в Ивановском монастыре, но признавалась такою от всех хлыстов, как живших в Москве, так и находившихся по другим местам.

В монастыре Новодевичьем хлыстовщина появилась несколько позже. Там образовалось общество людей божьих из монахинь Татьяны, Стефаниды, двух Анн, Февронии, Матрены и многих белиц.

В Варсонофьевском монастыре ⁵⁵ хлыстовщина появилась одновременно с

⁵⁴ Феофилакт Лопатинский в своем «Обличении неправды раскольнической».

⁵⁵ Находился между Рождественской и Сретенкой в Белом городе. Здесь первоначально находился убогий дом. В этом монастыре, по повелению Лжедмитрия, были похоронены царь Борис Феодорович с женою и сыном. В 1764 году упразднен. Осталась на его месте приходская церковь Вознесения.

Ивановским. Распространительницей секты в этом монастыре была белица Анна Михайлова, у которой года два жила в работницах девка Марья Ивановна Шигина, крестьянка из села Павлова-Перевоза, где все ее семейство и родственники уклонились в хлыстовщину еще тогда, как в том селе находился христос людей божьих Иван Тимофеевич. Два брата ее, Семен и Игнатий Шигины, с детьми, переехавшие из Павлова в Москву, жили при Прокопии Лупкине в так называемом Новом Иерусалиме, что за Сухаревою башней. Марья Шигина сделалась таким образом посредницей монастыря Варсонофьевского, соседнего с ним Рождественского, а также Ивановского и других с обитателями божьих домов, находившихся в Москве теперь уже в числе четырех.

В Вознесенском монастыре, что в московском Кремле, хлыстовщина появилась с 1718 года. Она занесена была сюда беглою из вологодского Горицкого монастыря девкой, Марьей Кузьминичной Босой. Босая была юродивая и кликуша, ходила в рубище, босиком, отчего, конечно, и получила свое прозвание. Заподозренная в сектаторстве, она попала на розыск Преображенского приказа и была сослана в вологодский Горецкий монастырь под начал. Оттуда бежала, пришла в Москву и была принята игуменьей Вознесенского монастыря, быть может, знавшею ее еще до высылки из Москвы. Марья Босая увлекала монахинь рассказами о своих чудесных видениях, и они мало-помалу впадали в секту людей божьих. Между тем, вследствие розысков над царевичем Алексеем Петровичем и царицей Авдотьею Федоровной, пророков и разглашающих сонные видения стали жестоко преследовать. Марья Босая убралась из Кремля в монастырь более скромный, где можно было жить с большею безопасностью — в Рождественский.

В монастыре Рождественском хлыстовщина была первоначально водворена духовником тамошних монахинь, иеромонахом Провом (мы не знаем, из какого он был монастыря). Судя по тому, что хлыст отец Пров в то же время придерживался старых книг и двуперстного сложения, удалялся в леса, полагаем, что он был из подрешетников. Его сослали за ересь в Соловки под начал. Но эту ссылку хлыстовщина не была выведена из обители его духовных дочерей. Сама игуменья придерживалась ее учения. Накануне праздника Рождества Богородицы, 1718 года, во время всенощной, среди церкви Рождественского монастыря явилась пришедшая из Вознесенского Марья Босая, чуть не нагишом, в каких-то лохмотьях, босиком и с растрепанными волосами. Перед выносом евангелия она завизжала, стала ломать себе руки, закинула назад голову и, трясясь всем телом, начала вертеться (обыкновенный прием хлыстовских радений). Народ расступился. Марья Босая вертелась-вертелась и упала на пол в судорогах. Сторожа вынесли ее из церкви. Одна сердобольная монахиня Досифея сжалилась над кликушей, — такую почитали Босую, — и велела сторожам отнести ее к себе в келью. Марья осталась у Досифеи, а через несколько времени игуменья, быть может, узнав, что Босая одного духа с отцом Провом, дала ей особую келью. Как все принадлежавшие к тайным сектам хлыстовщины, Марья была набожна, неупустительно ходила в церковь во время богослужений, строго исполняла все монастырские правила и продолжала рассказывать про являвшиеся ей видения. Так рассказывала она, что являлся ей святой Филипп митрополит, велел креститься не двуперстно, но так, как крестятся в церквах православных. В 1719 году в келье Марьи Босой образовался уже целый хлыстовский корабль. К ней сходились шатавшиеся по Москве юродивые, кликуши и последовательницы Прокопия Лупкина. Сами жительницы Рождественского монастыря в известные дни больших собраний в Ново Иерусалиме, что за Сухаревой башней, ходили туда на поклонение христу Прокопию Даниловичу, его пророкам и апостолам. Ходили туда на поклонение и из других женских монастырей. Между тем в Рождественском монастыре явилась новая хлыстовка из секты подрешетников — инокиня Евпраксия. Она была солдатка и научена секте каким-то приходившим из лесу мужиком, затем постриглась в монахини в Ростове, в тамошнем Спасском монастыре, и отправилась без спросу монастырского начальства в Соловки богу молиться. Здесь она познакомилась с сосланным туда иеромонахом Провом, который дал ей рекомендательное письмо к игуменьи московского Рождественского монастыря. Игуменья приняла Евпраксию с радостью и

поместила ее в своей келье. Евпраксия стала ходить по Москве, была принята в домах не только низшего класса, но и у знатных людей, не говоря уже о богатых купцах и посадских. Вслед за Евпраксией, в Рождественском монастыре водворилось целое общество хлыстовок и кликуш. Из них особенно замечательны были Пелагея Ефимова и родная сестра ее Алена, жена одного из иконоборцев того времени, денежного мастера Максима Еремеева.

Здесь мы должны сделать небольшое отступление, чтобы по возможности объяснить связь тайной секты иконоборцев с тайными сектами хлыстовскими. Секты иконоборческие, известные теперь под названиями молоканов, духоборцев, общих, немояк и пр., возникли в России давно, хотя и не так давно, как секты хлыстовские, происшедшие от богомилства. В XV столетии, во время религиозных движений на Западе, занесены были оттуда идеи рационализма в Новгород, на почву уже пред тем подготовленную стригольниками. Там явилась так названная (Иосифом Волоцким) ересь «жидовствующих», в которой однако жидовского ровно ничего не было. Вскоре эта ересь проникла в Москву, где в числе последователей ее оказались духовенство кремлевских соборов, сам митрополит, жена старшего сына великого князя Ивана Васильевича, дьяк Курицын, министр иностранных дел, говоря нынешним языком, и другие знатные люди. Ересь эта, отвергавшая обряды внешнего богопочитания, иконы, мощи, посты, службы по уставу и т. д., была подвергнута гонению, но не искоренению. В XVI столетии она по временам обнаруживалась (Башкин, Косой и пр.). По свидетельству князя Курбского, эта «ляфизма на церковные догматы», образовавшаяся как отродие лютеранства в половине XVI столетия, возникла и держалась преимущественно в монастырях заволжских.⁵⁶

Водворение в Москве иноземцев, преимущественно протестантов, во времена Годунова значительно усилило эту секту, но она держалась в тайне, преимущественно между русскими, находившимися в услужении у иноземцев. Немцы, жившие в Москве, число которых особенно увеличилось во времена Петра I, поддерживали по возможности иконоборческое учение между русскими. В апреле 1713 г. секта иконоборцев формально была открыта в Москве. Последователями ее оказались лекарь Дмитрий Тверитинов, или Дерюшкин, двоюродный брат его, цирюльник Фома Иванов, ученик славяно-латинской школы Иван Максимов, торговые люди Никита Мартынов да Михайла Минин. В их учении обнаружено было направление протестантское, но с примесью и самостоятельного направления, именно хлыстовского. Это еще более оказалось заметным в учении тайной секты, открытой в мае 1717 года, в которой главную роль играла женщина (быть может, богородица), жена ходока приказа земских дел Ивана Зимы, Настасья Зимиха, дочь беглого дьячка. Она при розыске показала, что с 1713 года в церковь не ходит, не исповедуется и не причащается, что к ней в дом сходятся разного рода люди, которым она читает книгу, купленную на печатном дворе (Евангелие), и учит иконам не поклоняться, вино с хлебом за таинство не признавать, креста на себе не носить, икон не почитать, ибо они человеческое рукоделие, крестного знамения не творить, а молиться духом и истиною, церковь и предание ее отвергать. Все это потому, что в Евангелии о поклонении духом и истиной сказано, а об иконах, крестном знамении и прочих обрядах ни слова не упомянуто. В числе довольно многочисленных последователей Настасьи Зимихи был ее муж и портной Алексей, который, между прочим, сказал, что кланяться духом и истиной, а не телом ему первоначально велел встретившийся с ним на дворе неизвестный поп, сказавшийся, что он из Устюжны (не Пров ли это?). По-видимому, и здесь направление протестантское, то направление, которое сохранилось и позже, а во второй половине XVIII столетия обнаружилось в сектах молоканской и духоборческой. Но мы сейчас увидим, что как последователи Тверитинова, так и последователи Настасьи Зимихи находились в связях с московскими хлыстами. То же явление, связь молоканства, а особенно духоборства, с тайными сектами хлыстовщины, мы

⁵⁶ «Сказания князя Курбского». Спб. 1842 г., стр. 133 и 134.

не раз еще заметим и впоследствии; проявившееся в шестидесятых уже годах нынешнего столетия слияние молокан и духоборцев с хлыстами в южной России окончательно подтверждает существование связи между теми и другими тайными сектами. Источник тех и других заключается в одном и том же искании лучшего образа богослужения. Искание это происходит вследствие усердия к богу, усердия, положим, не просвещенного, заблуждающегося, но все-таки усердия. Неусердный, равнодушный к делу религии никогда не попадет ни в какую секту, разве только по какому-нибудь житейскому расчету. Думая, что поклонение божеству заключается не во внешних знаках богопочитания, но в поклонении ему духом и истиной, искатели лучшего богослужения отвергают все внешнее и даже презирают его. Но одни, впадая в заблуждения, подобные лютеранским и другим протестантским, ограничиваются отвержением церковных преданий и обрядов, другие, вследствие усердия к богу, не ограничиваясь лютеранским головерием, к которому русский человек по самой природе своей сочувствия питать не может, стремятся к жизни духовной, к созерцанию небесного, к соединению с божеством духом. Отсюда секты мистические (сионская церковь, десные христиане и пр.), отсюда целый ряд сект хлыстовщины, отсюда духоборцы, столь близкие уже с молоканами. Провести между тою, другою и третьею сектой резкую отдельную черту едва ли, кажется, возможно, особенно при настоящем малом еще знакомстве с ними. Мы имели некоторые случаи лицом к лицу познакомиться с разными тайными сектами, имели некоторые случаи пользоваться полною доверенностью сектаторов и узнавать от них много такого, чего никогда не узнаешь ни посредством чтения их книг, ни посредством формальных следствий; мы наконец имеем такое количество письменных материалов о тайных русских сектах, какое, смеем думать, едва ли у кого другого до сих пор было под руками, но при всем том отказываемся решить, где кончается одна секта и где начинается другая.

В 1721 году в тайной канцелярии началось дело о хлыстах, показавшее связь этой секты с последователями Тверитинова и Настасьи Зимихи. Коломенского уезда, села Борисова, крестьянин Данила Васильев, как видится, хлыст, пошел к попу на исповедь, и когда поп спросил его, как он крестится, Васильев показал ему двуперстие. При тогдашнем фанатическом преследовании двуперстия и других знаков старообрядства, попу Никите было этого весьма достаточно для подачи доношения в церковный приказ о «новоявившемся раскольнике». Крестьянин Васильев в приказе высказал более чем приверженность к внешним обрядам старообрядства, но незнакомые с тайными сектами судьи, искавшие только «раскольников-двуперстников», не могли понять Данилу Васильева. Он сказал, что двуперстного сложения он не покинет до смерти, потому что он удостоивается видения святого духа, если же отринет двуперстие, дух святой ему являться более не будет. От Данилы Васильева требовали, чтоб он объяснил подробно свое учение; он этого не мог сделать, но для состязания о вере указал на «человека богомудренного, зарайскаго подьячаго Федора Григорьева», который наставил его самого в своем учении. Этот подьячий оказался принадлежавшим к «секте христовщины», а введен был в нее денежным мастером Максимом Еремеевым, мужем хлыстовки Алены Ефимовой, что жила в Рождественском монастыре. Денежный мастер Максим Еремеев *наедине* иконам не поклонялся, а при людях поклонялся, чтобы скрыть принадлежность к тайной секте. Он был хлыст, но близок был и к учению Тверитинова и к учению Настасьи Зимихи. Когда цирюльника Фому Иванова жгли на костре,⁵⁷ Максим с гордостью говорил: «Вот как *наши* страждут! Не жалеют себя, — и сожгли, не перекрестился!» Настасья Зимиха была коротко знакома с Максимом, и когда ее взяли, он испугался, бежал на Волгу и пропал... Ясное указание на связь, существовавшую и в начале XVIII столетия между хлыстами и иконоборцами, которых впоследствии стали называть молоканами.

⁵⁷ Он, несмотря на увещания, упорно держался иконоборства и был посажен в Чудов монастырь. Там косарем изрубил резной образ Алексея митрополита. За это и сожжен. Тверитинов и другие его соучастники повинились, принесли покаяние и были избавлены от смертной казни.

При исследовании этого дела ⁵⁸ тайная канцелярия открыла существование хлыстовщины в Рождественском монастыре, где хлыстовки, под именем кликуш, собирались у Марьи Босой и ходили целым обществом в Сергиев посад, в Коломну, в Зарайск к подьячему Федору Григорьевичу и в село Козьмодемьянское к князю Ефиму Васильевичу Мещерскому. О посещении сборищем Марьи Кузьминичны Босой, вместе с зарайским подьячим Григорьевым, князя Мещерского, в деле тайной канцелярии находятся любопытные подробности. Про князя ходила молва, что он очень богат и подает много милостыни, принимает странников, больных, бесноватых, читает в своей часовне над ними молитвы. В часовне у него и мощи,⁵⁹ и святая вода, и чудотворный образ Смоленской Богородицы, и с диковинным звоном какой-то таинственный колокол.⁶⁰

Ходили по народу толки, что князь Мещерский изгоняет бесов молитвами, которые читает по книге, и деревянными четками, которыми хлещет бесноватого, что верующих (то есть принадлежащих к содержимой им тайной секте), он причащает каким-то особым, святым хлебом. Когда общество Марьи Босой, взяв с собой какую-то бесноватую Арину, которую звали верижницей, так как она носила вериги, и побывав в Новом Иерусалиме, пришло в село Козьмодемьянское, князь Ефим Васильевич радушно встретил странствующий хлыстовский корабль и прямо повел его к себе в моленную. Три раза ударил он там в диковинный колокол. Пришедшие изумились, услыша необычайный, таинственный звон. Князь стал читать утреню, но вскоре началось совсем иное служение в княжеской моленной. Арина верижница застонала, стоны ее превратились в дикие крики, ее корчило, она вспрыгивала кверху, потом падала наземь, произнося бессмысленные речи, прерываемые собачьим лаем и свиным хрюканьем. Прочие хлысты стали охать, бить себя руками в грудь и учащенно кланяться в землю. Очень обыкновенный прием, употребляемый и теперь при радениях. Князь подошел к Арине верижнице, стал хлыстать ее четками по голове, по плечам и по груди, приговаривая: «изыди, нечисты душе». Арина стихла, а князь пришел в восторженное состояние. Тогда вышел на середину зарайский подьячий Федор Григорьев и начал «радеть». Радение его, как оно описано в деле 1721 года, совершенно такое же, какое и доньше употребляется в хлыстовских и скопческих кораблях: он начал кружиться, потом с распростертыми руками понесся по всей часовне. Он кружился-кружился и, как мертвый, упал на землю. Восторженный князь Мещерский и его хлыстал четками. В заключение князь роздал всем кусочки хлеба, как бы причастие (тоже хлыстовский обряд).⁶¹

Открытые таким образом хлысты были разосланы по монастырям. Князь Мещерский отправлен в Соловки, но по вступлении на престол Анны Ивановны его жена княгиня Авдотья упросила государыню освободить мужа ее из заточения.⁶²

⁵⁸ Извлечение из него напечатано Г. В. Есиповым во II томе «Раскольничьих дел XVIII столетия», под заглавием «Кликуши».

⁵⁹ Мощи действительно были найдены у князя Мещерского в его часовне. Он сказал, что они даны ему вкладом сестрой царицы Авдотьи Федоровны, княгиней Настасьей Федоровной Троекуровой и Варварой Головиной.

⁶⁰ О стеклянном колоколе со стеклянным же языком князь Мещерский сказал, что он дан в его часовню вкладом стеклянного завода мастером Сидором Белильниковым, расслабленным.

⁶¹ При производстве следствия тайной канцелярии, взяты у князя Мещерского в часовне два большие белые хлеба и несколько сухарей. Князь сказал, что это артосы с Нового Иерусалима, а в сухари сушены всеобщные хлебы, которые он раздавал богомольцам.

⁶² Марья Босая была отправлена во Владимир в тамошний Успенский монастырь; Евпраксия — в Горичий-Воскресенский, находящийся в Новгородской губернии, в шести верстах от Кирилло-Белозерского

В деле тайной канцелярии 1721 года сохранились две молитвы, по характеру своему совершенно похожие на молитвы и пророчества хлыстов позднейшего времени и даже современных. Местами даже слово в слово. Нам кажется, что молитва Алены Ефимовны, видоизменяясь постепенно, превратилась в нынешнюю хлыстовскую песню: «Церковь моя, церковь золотая!», которую мы приводим ниже. Знакомый сколько-нибудь с тайными сектами по одним этим молитвам мог бы заключить, что за люди были принадлежавшие к обществу Марьи Босой. Одна из них, молитва Алены Ефимовой, писана четырнадцатилетним ее племянником, сыном Пелагеи Ефимовой, Иваном Михайловым, под диктовку тетки. Вот она:

«Услышь, святая, соборная, апостольская церковь! Со всем херувимским престолом и с Евангелием! И сколько в том Евангелии святых слов! Все вспомните о нашем царе Петре Алексеевиче. Услышь, святая, соборная, апостольская церковь! Со всеми местными иконами и с честными мелкими образами! Со всеми апостольскими книгами и с паникадилами, с местными свечами, со святыми пеленами и с честными ризами, с каменными стенами, с железными плитами и со всеми плодоносными древами. О, молю и красное солнце, возмолись Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче! О, млад светел месяц со звездами! О, небо с облаками! О, грозные тучи с буйными ветрами и вихрями! О, птицы небесные и поднебесные! О, синее море с реками и с мелкими источниками и с малыми озерами! Возмолитесь Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче! И рыбы морская, и скоты польские, и звери дубровные, и поля, и все земнородные! Возмолитесь к Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче!»

И здесь уже является рифма, неременная принадлежность новейших песен или «распевцев» тайных сектаторов. Частое повторение *о!* — также признак хлыстовской песни. У них *о!* или *ох!* или *ой!* вставляются в распевцы пророков и пророчиц, когда на них «накатило», как выражаются хлысты, то есть когда пророки и пророчицы приходят в то исступленное состояние, которое ими признается за сошествие святого духа. Они в это время задыхаются, дрожат и часто с тяжелым вздохом произносят приведенные восклицания. Молитва Алены Ефимовой, как увидит читатель, во многом сходна со следующей хлыстовской песней, употребляемой при радениях и скопцами:

Церковь моя, церковь золотая,
Соборная матушка моя трисвятая!
Уж и кто ж это церковь мою красил?
Уж и кто ж ее голубушку изукрасил?
Херувимским престолом, Евангелием,
И всяким архангельским ставленьем:
Царскими дверями,
Местными свечами,
Коностасом, книгами
Да паникадилами,
Шелковыми пеленами,
Воску яраго свечами,
Каменны стенами,
Чугунны плитами,

монастыря; Пелагея Ефимова — в Суздальский-Покровский; сестра ее Алена Ефимова — в Горний-Успенский, что в Вологде, брат их родной, денежного двора сторож Григорий Ефимов, тоже хлыст, — в Кириллов-Белозерский, а Данила Васильев — в Спасо-Каменный Духов монастырь, находящийся в Вологде. Четырнадцатилетний сын Пелагеи Ефимовой Иван Михайлов, писавший под диктовку тетки хлыстовскую молитву, за малолетством бит батогами, а потом отдан в матросы. Что случилось с подьячим Федором Григорьевым, который также взят к розыску — не знаем.

Белокаменной оградой —
Духу нашему отрадой.
Я на церкву погляжу,
Вокруг нея похожу,
Духа свята поищу,
К апостолам поспешу.
Кругом церкви дерева,
Не руби их на дрова:
Перво древо кипарис,
Друго древо анис,
Третье древо барбарис;
Ты древам тем поклонись
Да на церкву помолись.
Я в той церкви порадею,
Трудов своих не жалею,
Накатила благодать,
Стала духом обладать!
Накати-ка, накати,
Мою душу обнови,
Дух свят, дух!
Кати, кати. Ух!

Что касается до обращений к небесным светилам и к земле, со всем на ней находящимся, мы увидим эти обращения в песнях, употребляемых тайными сектаторами при радениях и особенно при обрядах, совершаемых во время приема в секту нового члена.⁶³

У брата Анны и Пелагеи, сторожа денежного двора Григория Ефимова, нашли «заговорное письмо», как называли его в тайной канцелярии. Оно носит на себе также хлыстовский характер. Пророчества хлыстов и скопцов, бывающие после радения, все в этом же бессмысленном роде, кроме разве того, что позднейшие хлысты ни в каком случае не употребляют имени дьявола. Вот заговорное письмо денежного мастера:

«От веры, от великия кузни, от льстиваго изменения, от великаго падения! О, како прельстихомся! О, како приведохомся! Како слышавше писание не вразумихомся, како слышавше проповедника ругахомся! Те бо и тогда связанны вещми житейскими, желаячи века сего, и те бо удобь преступят к диаволу, знаменуется приемшее начертание сквернаго. Бога богоборца, место животворящаго креста Спасова и те бо удобь вложены будут со диаволом в тьму кромешну».⁶⁴

Мы видели, что хлыстовщина, кроме Москвы, распространена была в конце XVII и в начале XVIII столетий в нынешних Костромской, Владимирской и Нижегородской губерниях. Кроме того, около 1720 года хлысты встречаются в Зарайске, в Серпухове, в Коломне и в Сергиевом посаде, куда ходила и Марья Босая с своим обществом. Наконец, мы встречаем хлыстов на Дону и около Углича.

Из дел святейшего синода видно, что в 1725 году воронежский архиерей доносил синоду о появлении лжехриста в Яминской станице войска Донского. Это был казак Агафон,

⁶³ Замечательно, что Алена Ефимовна сшила пелену под образ в Большой Успенский собор, зашила между ее верхом и подкладкой переписанную ее племянником молитву и отдала одному из соборных священников, прося его шесть недель читать акафист за здравие царя Петра. За это она дала священнику ефимок и шесть алтын.

⁶⁴ Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия». Т. II, стр. 202.

именовавший себя «атаманом-христом», при нем было двенадцать рядовых казаков, называвшихся «атаманами, высшими пророками и апостолами», а казачья дочь, девка, называлась «богородицей». К сожалению, это дело нам вполне неизвестно; оно считалось (не знаем, как теперь) в числе совершенно секретных и было запечатано. Что сейчас приведено нами, то заимствовано из описи дел.

В окрестности Углича хлыстовщина была принесена Прокопием Лупкиным. Водворившись в Москве за Сухаревою башней, этот христос людей божьих бывал в Воскресенском монастыре, именуемом Новым Иерусалимом, куда хлыстовщина занесена была еще предшественником его Иваном Тимофеевичем. Здесь познакомился Лупкин с некоторыми крестьянами угличской вотчины Нового Иерусалима, приезжавшими в монастырь, отправился к ним на родину и совратил в свою секту. Это было прежде 1715 года.

В 1715 году стали ходить по народу слухи о появившейся тайной секте в вотчине Нового Иерусалима, что близ Углича, преимущественно же в селениях, расположенных по течению Волги и реки Улеймы. Слухи эти дошли до местного духовенства. Священник Дмитриевской церкви в городе Угличе довел об этом до сведения судии духовных дел Покровского Углицкого монастыря архимандрита Андроника. Архимандрит принял свои меры, и 13-го июня 1716 г., ночью, в деревне Харитоновой, в доме крестьянина Еремея Бурдаева поймал хлыстов на радении и успел захватить одиннадцать мужчин и десять женщин. В числе захваченных был и сам христос людей божьих, Прокопий Лупкин. Всех их привезли в Углич, и в тамошнем духовном правлении было производимо следствие. Вот что известно об открытиях, сделанных при этом архимандритом Андроником:

«Онний Лупкин производил в богомерзких своих сонмищах злое свое учение, а именно: называл себя яко Христа, а учеников своих яко апостолы. И во время-де бывшаго у них с теми учениками пения молитв, якобы на некоторых из них сходил дух святой, овогда на двух, овогда же на трех человек, и подымало-де их с лавки, и ходили-де они скачучи в круг, по получасу и больше, а в то-де время клали на стол колач ломтиками и, отпев молитвы, тем причащались, и прочих-де приходящих к нему (Лупкину) всех учил той же богомерзкой противности, которые-де ему в том и последовали, и притом же-де говорил им, якобы тогда уже последнее время, и есть-де антихрист на земли от монашеского чина. Да о последнем же-де времени последовавшие ему (Лупкину) ученики слышали еще и от *другого такого же еретика*, котораго по сыску не явилось, что-де антихрист родился от монашескаго чина, и как-де он будет на море и возьмет Царьград и тогда-де наречется богом».

При производстве следствия архимандритом Андроником открылось еще новое указание на местопребывание хлыстов. Крестьянин Еремей Бурдаев, хозяин дома, где захвачен был корабль Христа Прокопия Даниловича, сказал, что тому же учению следуют крестьяне вотчины Симонова монастыря, Ярославского уезда, Черemoжской волости, деревни Данильцевой,⁶⁵ Никита Сахарников да Иван Васильев. Словом, из произведенных архимандритом допросов открылось, «что те, чинившие вышеписанныя богомерзкия противности, люди явились жителие не одного Углицкаго, но и других разных мест, и иные злое свое плевелосеяние рассевали не в одном, но во многих местах».⁶⁶

Архимандрит Андроник, производя следствие, 16-го июня 1716 г. донес своему епархиальному начальнику Досифею, епископу ростовскому и ярославскому. Досифей пренебрег открытиями Андроника. Он не дал хода делу. Этот Досифей, впоследствии

⁶⁵ Теперь в Рыбинском уезде. Черemoжская волость называется по реке Черемхе, впадающей в Волгу с правой стороны под самым Рыбинском. Данильцево — теперь деревня в 40 верстах от Рыбинска. В ней девять дворов, 30 мужского и 36 женского населения. «Списки населенных местностей Российской Империи», часть I. стр. 292.

⁶⁶ «Первое полное собрание законов Российской Империи», т. IX, № 6.613.

лишенный сана и казненный по участию в деле царицы Авдотьи Федоровны, сам пророчествовал, сам видал видения. В нем можно подозревать потворство к хлыстам. Но как бы то ни было, по его приказанию все арестованные в деревне Харитоновой и сам христос людей божьих были отпущены. Прокопий Лупкин воротился в Москву.

Он, по сказаньям хлыстов, умер в 1733 году в Москве, в божьем доме в Новом Иерусалиме. Хлысты говорят, что в этот день у Христа Прокопья Даниловича находились в собрании все его последователи, и что во время радения в их «святые круги» с небесных кругов слетели бесплотные духи: ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная, и вознесли Христа Лупкина при множестве свидетелей на небо. Попросту сказать, Лупкин умер во время радения. И тогда настало, продолжают хлысты, «древнее молчание», прекратилось пророчество по случаю наставшего гонительного времени.

Лупкина похоронили в Ивановском монастыре, близ Ивана Тимофеевича Сулова. На могиле его соорудили каменное надгробное строение (памятник) и на гробнице написали похвалу святости погребенного.⁶⁷

Но недолго оставались в покое кости Прокопья Даниловича. Пред самую смертью его разразилась гроза над его последователями, кончившаяся казнями ближайших к нему людей, ссылкой в отдаленные сибирские монастыри жены, сына, свояченицы и — сожжением его тела через палача.

В 1732 году к начальнику Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову добровольно явился некто Семен Караулов, промышлявший в Москве разбоем и имевший с шайкой своею главное пребывание под Каменным мостом через Москву-реку. Повинившись перед графом в производимых им с товарищами разбоях, Караулов сказал, что есть в Москве четыре дома, где чинятся великие непотребности. Собираются-де туда по ночам на праздники разных чинов люди, старцы, старицы и прочие. Из них некоторые-де выбираются в начальники сборищ и садятся в переднем углу, а прочие по лавкам. Как приходят в дом, то старшим своим, сидящим в переднем углу, кланяются и целуют у них руки, и, собирая деньги, им отдают, а другие-де из них пророчествуют.

Дело было казусное. Пророчествовать было строго запрещено со времени смерти казненного ростовского епископа Досифея, пророчествовавшего заточенной в Суздале царице Авдотье Федоровне. Салтыков сделал нужные распоряжения, и, по указаниям Караулова, на хлыстовских радениях захвачено было семьдесят восемь человек; в числе их были монахи и монахини разных московских монастырей. Главною руководительницей секты оказалась монахиня Ивановского монастыря Анастасия (в мире Агафья Карпова). Открылось, что она и еще две старицы и старец пророчествовали и вместо причастия святых таин подавали резанный кусками хлеб, а из стакана давали пить квас, а иногда воду.

Христа людей божьих, Прокопья Даниловича, в то время не было уже в живых. Его место заступил родной сын его, симоновский монах Серафим. Он был захвачен.

Салтыков об открытии «богомерзкой ереси» донес сенату, а сенат 15-го января 1733 года сообщил о том святейшему синоду. Синод для исследования дела назначил особенную следственную комиссию из лиц духовных и светских. Эта комиссия, кроме захваченных по распоряжению Салтыкова семидесяти восьми человек, сыскала еще множество разного звания людей, принадлежавших к хлыстовщине. Замечательно, что некоторые из них сами добровольно являлись в комиссию и объявляли себя принадлежавшими к секте. Но многие бежали из Москвы, убоясь розысков, как, например, семейство Шигиных, живших при Прокопье Лупкине, пророк Иван Иванович Белый или Чечеткин; они убежали в нынешний Горбатовский уезд, Нижегородской губернии, в села Павлово и Ворсму. Кончив розыски, следственная комиссия представила дело в синод, вместе со всеми арестованными, которых под крепкую стражей отвезли в Петербург. Там утверждена была высшая комиссия для

⁶⁷ «Собрание постановлений по части раскола по ведомству святейшаго синода», I, 315.

исследования о «богомерзкой ереси». Членами ее были архиепископы: новгородский Феофан Прокопович, сарский и подонский Леонид,⁶⁸ заведовавший московскою церковью, и нижегородский Питирим; кроме этих духовных особ, в комиссии находились: граф Остерман, князь Алексей Михайлович Черкасский и известный Ушаков, начальник тайной канцелярии.

Из подсудимых замечательнее других были:

Инокния московского Ивановского монастыря Анастасия (в мире Агафья Карпова), хлыстовская богородица. Собrania хлыстов бывали в ее келье, а над кельей стояли кровати, которые и были найдены московскою следственною комиссиею. Здесь совершался разврат, который хлысты богохульно называют «христовою любовью». У Анастасии найдено было денег 191 руб. 20 коп — сумма значительная для того времени, и девять образов, украшенных драгоценными окладами.

Инокния Анна, вдова Прокопия Лупкина, Акулина Ивановна, нижегородская богородица, с сестрой Акулиной же Ивановною, в иночестве Александрой.

Сын ее, бывший симоновский эконо́м, иеромонах Серафим. Он был христом, преемником своего отца, как сохранилось у хлыстов предание, но следственная комиссия этого не открыла.

Высокопетровского монастыря иеромонахи: Филарет (Федор Муратин) и Тихон (Тимофей Струков), оказавшиеся пророками людей божьих.

Из других более значительны, как пророчествовавшие, были: Катерина Ларионова, Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, до открытия монахинями Ивановского монастыря.

Вот что открыла московская комиссия: «1) Собирались мужской и женский пол с прилежным укрывательством в одно некое место и, обедав в обществе, садились по лавкам, по одну сторону мужской, а по другую женский пол, а в начальном месте заседал оной прелести предводитель, муж или жена, яко бы по чину пастырскому. 2) Потом, взяв благословение у оной предводительной особы с низким наклоном и целованием руки, по две и по три пары, или и большим числом, иной муж с мужем, а иной муж с женой, плясали кругом по избе как кто мог, высоко подсакивая, и сказывали, что на такое плясание или паче шатание поднимал их Дух Святой, приводя на то пребезумным развратом оное у пророка слово Божие: «вселюся в них и похожду», что глаголет Бог, обещая верным Своим Свое неотступное присутствие, ведуще их на путь спасения, а не к так шаленому движению. 3) Между тем некия из них палками и цепями бивали себя. 4) А по таковом бешеном бегании, некий же из них иногда мужеска, а иногда и женска пола персоны, будто бы Духом Божиим движимыя, нечто и прорицали, или паче буесловные и смеха достойные враки и рассказы произносили. 5) Хулили брак законный, установленный и благословенный от самого Бога, вменяя ложе брачное, нескверным от апостола, или паче от Святого Духа нареченное, в скверну и в великий грех. И того ради приходящим в собрание их приказывали не женатым никогда впредь не жениться, а кто женат разводиться с женами. 6) Создали же себе весьма богомерзкою продерзостию и некое проклятое таинство; а именно, принимали и ели из рук предводительных, мужика или женщины, куски хлеба и пили квас, иногда же и воду, вменяя то, окаянные, за святое причастие, с явственным святых Христовых в евхаристии таин ругательством и отвержением. 7) Они же твердили между собой, яко бы такая их собрания и действия есть крещение, бываемое духом, а христианское наше крещение водою, во имя Святой Троицы совершаемое, которое в себе и дух заключает, раздирая едино таинство надвое, нарицая простым водным и к спасению не довольным крещением, хулительне б..... слова, якобы никто крещенный преданным в Спасителя нашего крещением, если не восприимет и вымышленнаго от них, безумных мужиков, крещения, отнюдь спасения не получит. 8) Во утверждение же столь злосоставнаго своего и

⁶⁸ Леонид до 1722 года был архимандритом Высокопетровского монастыря, куда в то время уже проникла хлыстовщина, но он, вероятно, не знал о том.

душевредного суеверия ввали прельщаемым от себя человеком, будто бы и все древние святые отцы не иным только от них употребляемым спасались образом, шаркающую свою новостю древним спасения путем нарицания. 9) А когда в таковыя собрания сходились, мало когда в тот же день, и с места того расход им бывал, но всегда, почитай, все там же и ночевали в одной избе мужеский и женский пол, только, сказывают, по одну сторону мужчины, а по другую женщины, что немалое подозрение подало блудного их смешения, наипаче, когда и одну с числа их старицу обличено, и сама в великоучрежденной комиссии винулась, что она с мужчиною той же ереси от беззаконного совокупления и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкие оные соборы созывала, многия кровати во время следования над келиею ея под кровлею найдены, и тако же они, окаянные, весьма дивным развратом в неискусный ум пришли, законный брак отвергая, а беззаконного смешения не отстал. 10) Таковое же по всему скверное свое учение и действие не утрастились злочестивии и призыванием имени Божия клятвенно утверждать, ибо всякаго к ним приходящаго, выставив икону, приводили к присяге, дабы клялся, что он предание их яко благочестивое и богоугодное приемлет и никогда от того не отступит, також что он тайнаго их сего злодеяния никому отнюдь не откроет, ниже духовному отцу. 11) Исповедоваться у духовных отцов и вне их сословия сущих, только бы никто тайны их не изъяснял, також и святого причастия не запрещали, каков обычай был и у древних манихеев для вящаго ереси своей укрывательства. 12) Всего же того столь богопротивнаго их вымысла не иное у начальников и начальниц намерение было, только, как сами винулись, хитрый воровских прибылей промысл, которые они от прельщаемых грубых человек и получали». ⁶⁹

Октября 11-го 1733 года состоялся приговор о последователях хлыстовщины. Он подписан графом Остерманом, князем Черкасским и Ушаковым. Архидиаконы, как обычно при смертных приговорах, уклонились от подписания. Императрица Анна Ивановна утвердила, что постановили три «светския персоны высокоучрежденной комиссии». Инокию Анастасию расстригли и под именем Агафьи Карповой возвели на эшафот на Сытном рынке в Петербурге где и отрубили ей голову. Той же участи подверглись иеромонахи Высокопетровского монастыря Филарет и Тихон, предварительно в синоде лишенные сана и монашества. Симоновского эконома, иеромонаха Серафима, расстригли и под именем расстриги Спиридона Лупкина наказали публично кнутом и назначили в вечную ссылку в Охотский острог. Он после приговора содержался в синоде и лишь через четыре года, то есть в 1737 году, отправлен в Сибирь. По привозе его в Екатеринбург, канцелярия главного управления екатеринбургских заводов, вместо отсылки в Охотск, определила его в бобыли на поселение в Екатеринбурге, где он и оставался до 1744 года. В январе этого года он поехал с данным ему паспортом в Москву, для испрошения себе помилования, на основании милостивого манифеста императрицы Елизаветы Петровны. Апреля 4-го того же года он явился в Москву, в канцелярию святейшего синода. Вскоре после того в Москве снова была открыта хлыстовщина, и начались новые розыски. Спиридон Лупкин испугался и бежал неизвестно куда. По делам о нем более ничего неизвестно. Но предания хлыстовские говорят о действиях его после 1744 года, о чем будет сказано в своем месте.

Мать его, вдова христа людей божьих, нижегородская богородица, которую в Москве, когда она уступила первенство Анастасии, звали «мироносицей», инокиня Ивановского монастыря Анна была расстрижена и под именем Акулины Ивановой Лупкиной наказана в Петербурге кнутом и сослана вечно на неисходное житие Тобольской епархии во Введенский девичий Далматов монастырь. ⁷⁰

⁶⁹ «Первое полное собрание законов Российской Империи», т. IX, № 6.613.

⁷⁰ Ныне в Пермской губернии. Он находился в 25 сажнях от Далматовского Успенского мужского монастыря, при речке Тече, в заштатном ныне городе Далматове, на урочище, называемом Теченское Поселье.

В 1740 году она еще была жива. Ее, равно как и Анастасию, хлысты причли в святые мученицы. Мироносице Анне они совершают память 26-го июня.⁷¹

Другая Акулина Ивановна, в иночестве Александра, наказана кнутом и сослана на вечную работу в Сибирь, в Ильинский девичий монастырь. Мы не знаем, где он находился.

Во Введенский Далматов монастырь сосланы были расстриги Ивановского монастыря Катерина Ларионова, Авдотья Михайлова и Аксинья Яковлева, после наказания кнутом, «для определения в том монастыре в тяжелую работу вечно, по рассмотрении онаго монастыря игуменьи, и из того монастыря никуда, никогда не выпускать их и писем ни к кому писать не давать и с ними никого, також и их между собою видеться отнюдь не допускать».⁷²

Святейший синод «в предостерегательство, по довольном рассуждении, дабы таковой богопротивной ереси участницы и того ведатели, ни едина персона вне ведения не осталась, и от того оная ересь не возросла бы в великое, ибо не нечаятельно есть, что и еще оная останки своя имеет (как о том и по обстоятельству самого дела онаго видно есть), что оно злодеяние начало произрастать уже из давних лет, и не в одном, но во многих местах плевелорассеяние свое имело, докладывал императрице о необходимости выдать во всенародное сведение особые указы синода, в которых бы было объявлено об открытой ереси с тем, чтобы принадлежащие к ней, но правительству неизвестные, без всякого опасения являлись в синод в Петербурге и Москве, а в дальних местах к местным епархиальным архиереям. Сроком для явки назначено было 1-е января 1735 года с тем, что открытые после этого срока будут наказываемы».⁷³

Являлись ли хлысты в синод и к архиереям после всенародно объявленного синодского указа, не знаем.

Дело было уже кончено, как до сведения Феофана Прокоповича дошло о могилах христов людей божьих, Сулова и Лупкина, в Ивановском монастыре. Он написал в Москву письмо к советнику Ивану Топильскому, который до того был судьей при следствии розыскных раскольничьих дел, чтоб он осмотрел надгробные памятники и сообщил ему о них подробные сведения. Топильский нашел над могилой Лупкина новопостроенный памятник (честное гробовое здание) с надписью об его святости, близ которого нашел и могилу Сулова. Над нею камень был уже сравнен с землею и около него посажены были яблони и другие деревья. Этот надмогильный садик огорожен был решеткой с дверцами. Прежде, сказывали Топильскому, была тут «гробница с немалым украшением», но когда последовало распоряжение, чтобы в монастыре и у приходских церквей гробницы и надгробные камни были снесены, тогда и с могилы Сулова снесен был воздвигнутый ему памятник и на месте его разведен садик. Надпись же с того памятника, свидетельствовавшая о святости Ивана Тимофеевича, была стесана и вделана в стену церковной трапезы, неподалеку от могилы.

Феофан Прокопович заявил в присутствии синода о сведениях, собранных им посредством Топильского в Москве. Члены синода полагали, что похоронение тел

Упразднен в 1764 году при учреждении штатов.

⁷¹ Есть рукописные святцы (у меня есть один экземпляр) нынешнего и прошлого столетий, где под 26-го июня записано: «святая мироносица Анны, иже в Нижнем-Новеграде».

⁷² «Первое полное собрание законов Российской Империи», т. IX, № 6.613.

⁷³ Там же.

ересеначальников при церквях сделано последователями их не иначе, как с целью распространить убеждение, что они были не только не суеверны, но и «святости некоей общники». Затем, приведя в основание первую статью уложения царя Алексея Михайловича, по которой богохульникам назначается смертная казнь сожжением, решили передать дело в правительствующий сенат для исполнения, с тем, чтобы в Ивановском монастыре надгробный памятник над Лупкиным, садик над Сусловым и надпись на стене церковной трапезы были уничтожены. Решение это в синоде состоялось 31-го мая 1736 года.⁷⁴

Сенат решил (не ранее однако 1739 г.) «закопанные в московском Ивановском монастыре трупы богопротивных ересеучителей и еретиков Прокопия Лупкина и Ивана Суслова, выкопав через палачей и вывезши в поле, учинить с ними по указам», то есть сжечь.⁷⁵

Трупы сожгли. Но чьи? Впоследствии увидим, что в маленькой церкви, построенной хлыстами в Новом Иерусалиме, за Сухаревою башней, были *могилы* Ивана Тимофеевича. Если труп Лупкина и был сожжен, то останки Ивана Тимофеевича были подменены останками другого покойника. Может быть, хлысты сумели сделать то же и с трупом Лупкина, так что палачи выкопали и сожгли на кострах за городом трупы каких-нибудь людей, вовсе не причастных хлыстовскому учению.

Тем «дело о богомерзкой ереси» и кончилось. Хлысты до сих пор помнят этот розыск и о страданиях «святой мученицы Настасьи Карповны» грустным голосом поют песни на радениях. При открытии хлыстовских сборищ в Москве, в сороковых годах нынешнего столетия, в Басманной части, июня 12-го 1846 года, частному приставу Лисицыну, московская мещанка Гостиной слободы, Арина Максимовна, содержавшая хлыстовскую секту, сказала эту песню. Она записана вместе с другими в снятом с нее допросе.⁷⁶

Вот песня о Настасье Карповне:

В конюшенке государевой
Тут стояли да все конички.
Уж один конь не пьет не есть,
Он почуял дорожку дальнюю
От Москвы было до Питера
Пролегала путь-дороженька.
Уж по той ли по дороженьке
Тут ведут красную девицу,
Свет Настасьюшку Карповну,⁷⁷
У ней ноженьки были скованы,
Белы рученьки назад связаны,
Очи ясныя платком завязаны.
Уж ведут ее два полка солдат
Ко тому дворцу государеву,
К государыне Анне Ивановне.

⁷⁴ «Собрание постановлений по части раскола по ведомству святейшаго синода», т. I, стр. 312–316.

⁷⁵ Там же, т. I, стр. 360.

⁷⁶ «Дело об открытых в Москве, в доме Василья Евграфова хлыстах 1844-46 года».

⁷⁷ В подлинном деле написано Поликарповну. Но Настасья была по отце Карпова, а не Поликарпова.

«Государыня Анна Ивановна,
Возьмите эту невольницу во палатушки».
Уж стала у ней спрашивать:
«Ты которую веру веруешь,
Уж которому Богу молишься?»
«Изволь выслать своих верных слуг,
Я тебе скажу правду-истину».
Государыня Анна Ивановна испугалася
И вскричала громким голосом:
«Уж вы слуги мои верные,
Возьмите эту невольницу,
Посадите в темну темницу
Под красное окошечко,
Которое на Неву реку».
Взглянула Настасьюшка Карповна
В то красное окошечко:
«Уж ты матушка Нева-река,
Ты теки в каменну Москву,
Ты скажи поклон верным-праведным
И отцу с матерью,
Что хотят меня казнить, мучить,
Топором острым, еще плахою,
Еще площадью, красною рубахою.
Ты прости-прощай верны-праведны,
Ты прости-прощай отец с матерью,
Ты прости-прощай весь мир-народ,
Ты прости-прощай два полка солдат,
Ты прости-прощай млад грозен палач,
Не прощаю одну государыню Анну Ивановну».

Не простила Настасья Карповна государыню, говорят хлысты, и Анна Ивановна умерла чрез три дня после казни «верных-праведных». Хлысты и тут, как и в большей части своих сказаний, путаются в хронологии. Императрица Анна Ивановна скончалась не чрез три дня, а чрез семь лет после казни хлыстов.⁷⁸

⁷⁸ Впервые напечатано в журнале "Русский вестник" за 1868 год, № 5.